

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.А. Синдеев

**ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
В РАБОТАХ
РОССИЙСКИХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2021

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.А. Синдеев

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В РАБОТАХ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ**

**Доклады Института Европы
№ 384**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2021**

УДК 327-049.5(4):32.001(470+571)
ББК 66.4(4),30+66.0(2Рос)
С38

Редакционный совет:

**Ал.А. Громько (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Научный редактор К.Н. Гусев, редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор
Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук

Тема НИР 0167-2021-0002

«Трансформация европейской системы безопасности. Отношения
России с участниками европейской системы безопасности и евро-
атлантическими институтами (ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ)»
(2021–2023 гг.)

**Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности в работах
российских политологов** = Problems of commoneuropean security in
the works of russian political scientists : монография / А.А. Синдеев. –
М.: Ин-т Европы РАН, 2021. – 108 с. – Доклады Института Европы =
Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреж-
дение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 384). – Парал.
тит. л. англ. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62021_384. – ISBN
978-5-98163-177-1.

Монография посвящена изучению проблем общеевропейской безопасности российскими политологами. Автор провёл первичную концептуальную систематизацию сложившихся в отечественной политологии точек зрения о сути и взаимосвязи фундаментальных для общеевропейской безопасности проблем и происходящих на европейском пространстве трансформаций. Обоснован тезис о конструируемом характере феномена общеевропейской безопасности и представлены два примерных алгоритма формирования концепций. Работа будет полезна магистрантам, аспирантам и исследователям, занимающимся проблемами общеевропейской безопасности.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62021_384

© ИЕ РАН, 2021

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.A. Sindeev

**PROBLEMS OF COMMONEUROPEAN
SECURITY IN THE WORKS
OF RUSSIAN POLITICAL SCIENTISTS**

**Reports of the Institute of Europe
№ 384**

Monography

**Moscow
IE RAS
2021**

Аннотация

Монография посвящена изучению проблем общеевропейской безопасности российскими политологами. Автор провёл первичную концептуальную систематизацию сложившихся в отечественной политологии точек зрения о сути и взаимосвязи фундаментальных для общеевропейской безопасности проблем и происходящих на европейском пространстве трансформаций. Обоснован тезис о конструируемом характере феномена общеевропейской безопасности и представлены два примерных алгоритма формирования концепций. Автор разрабатывает новое научное направление – политолография (изучение работ политологов). Работа будет полезна магистрантам, аспирантам и исследователям, занимающимся проблемами общеевропейской безопасности, связанными с ней феноменами и процессами.

Annotation

The monograph is devoted to the study of the problems of common European security by Russian political scientists. The author has carried out the primary conceptual systematization of the points of view that have developed in Russian political science about the essence and interrelation of the problems fundamental to European security and the transformations taking place in the European space. The monograph substantiates the thesis about the constructed nature of the phenomenon of common European security and presents two algorithms for the formation of concepts. The monograph develops a new scientific direction – study of the works of political scientists. The monograph will be useful for undergraduates, postgraduates and researchers dealing with the problems of pan-European security, related phenomena and processes.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Глобализация и общеевропейская безопасность	12
Глава 2. Факторы безопасности.....	31
Глава 3. Пути развития организаций общеевропейской безопасности.....	38
Глава 4. «Европейские диалоги».....	47
Глава 5. Стратегическая автономия ЕС versus стратегическая автономия Европы.....	64
Глава 6. Подходы к формированию концепций общеевропейской безопасности.....	77
Заключение	89
Литература	95
Об авторе	104

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. Globalization and Common European Security.....	12
Chapter 2. Security Factors.....	31
Chapter 3. Ways of development of Pan-European Security Organizations.....	38
Chapter 4. «European Dialogues».....	47
Chapter 5. Strategic Autonomy of the EU Versus Strategic Autonomy of Europe.....	64
Chapter 6. Approaches to the Formation of Pan-European Security Concepts.....	77
Conclusion	89
Literature	95
About the Author	104

ВВЕДЕНИЕ

В монографии продолжается анализ достижений российской политологии в изучении проблемного комплекса (обще)европейской безопасности¹.

Актуальность исследования определяется происходящими в различных сферах общественно-политической жизни стран Европы масштабными трансформационными процессами, наличием новых и изменением традиционных вызовов, действием непосредственно влияющих на безопасность разнонаправленных тенденций и факторов, высоким уровнем развития отечественной политологии и возросшей из-за коронавирусной пандемии ответственности научного сообщества за будущее состояние мира и его отдельных регионов.

Два последних обстоятельства обусловили отход от первоначально задуманных цели и структуры – от детального исследования так называемых классических проблем общеевропейской безопасности, которым будет посвящена следующая монография автора в серии «Доклады Института Европы РАН».

Цель этой монографии состоит в анализе и первичной концептуальной систематизации сложившихся в отечественной политологии точек зрения о сути и взаимосвязи фундаментальных для общеевропейской безопасности проблем и происходящих на европейском пространстве трансформаций.

Сформулированная таким образом цель требует десяти пояснений.

1. Первичная систематизация означает, что автор не претендует на фиксацию всей позиционной палитры в российской политологии. Он производит систематизацию на основе концепции, сформировавшейся у него после знакомства с многочисленными политологическими работами в период подготовки обеих монографий. Речь идёт исключительно об авторском видении. Как и в первой монографии, разрабатывающей новое научное направление политологафией (изучение работ политологов), автор надеется, что появятся исследования, в которых бу-

¹ Синдеев А.А. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. М.: ИЕ РАН, 2020. 101 с.

дуг представлены иные концепции и систематизации².

2. Европейское пространство понимается в широком смысле, то есть не ограничивается только странами Евросоюза. При этом автор далёк от мысли, что в действующем антагонизме (европейская безопасность, или безопасность стран ЕС, и общеевропейская безопасность) допустим простой перенос содержания трансформаций и вызванных ими проблем с одного уровня на другой. В связи с этим неслучайно упоминание в цели фундаментальных проблем.

3. Общеевропейскую безопасность нужно описывать как складывающуюся систему / феномен. Имевшийся в распоряжении автора эмпирический материал (см. характеристику ниже) подтвердил правильность выбора этого ракурса.

4. Трактовка общеевропейской безопасности как складывающейся системы / феномена предопределила подробный анализ трансформаций, подразделение проблем на фундаментальные и «классические».

5. Интерпретация трансформаций через результат заставила учитывать трансформационную рамку, которая обуславливает создание (появление) фундаментальных, или общих, проблем в сфере безопасности, по-иному – проблем, рождённых изменениями среды. В силу этого обстоятельства данные проблемы предполагают объединение усилий всех без исключения участников европейского пространства. Такие проблемы целесообразно называть фундаментальными общеевропейскими, а связанную с ними безопасность – системной общеевропейской. Параллельно с фундаментальными (общими) проблемами присутствуют «классические проблемы», в основе которых лежат партикулярные интересы, и поэтому они могут непосредственно не касаться всех государств, хотя часть из них также возникает под действием трансформационных процессов и среды. Большинство исследователей занимаются, как правило, «классическими проблемами». Вследствие отказа от классификации инте-

² См. один из известных автору блестящих примеров систематизации: Ближенецкая Е.А. Глобальное экологическое управление и многосторонняя экологическая дипломатия: состояние предметных областей // Международные процессы. 2020. №3. С. 126-153.

ресов и проблем на фундаментальные общеевропейские и «классические общеевропейские» европейское пространство становится менее обозримым, в нём усиливается антагонизм, преодолеть который в нашем понимании возможно с помощью возвращения к чёткому подразделению на фундаментальные общеевропейские и «классические общеевропейские» проблемы с дальнейшим самостоятельным решением проблем в каждом из блоков.

6. Выделение фундаментальных и «классических» проблем способствует появлению отличных друг от друга подходов. В случае фундаментальных проблем успех может быть гарантирован, если детерминировать содержание трендов и/или управлять ими (см. выше о трансформационной рамке). В решении «классических» проблем считается, что успех возникает из суммы ситуативных компромиссов и доброй воли заключать их в будущем. Отличается и устойчивость достигнутого решения: ситуативные компромиссы рожают надежду; уверенность формируется только при управлении трансформациями.

7. Одна часть исходной *исследовательской гипотезы* состояла в предположении, что текущий кризис связан с «классическими проблемами», а к консолидации усилий для устранения фундаментальных проблем страны, по сути, не приступали. Другая часть исходной *исследовательской гипотезы* строилась на понимании общеевропейской безопасности в широком смысле (через единство фундаментальных и «классических» проблем) и в узком смысле (через приоритет отдельной группы).

8. Монография посвящена фундаментальным проблемам складывающейся системы / феномена общеевропейской безопасности, или узкому пониманию безопасности.

9. В монографии были реализованы три плана содержания: концептуальный; аргументационный с материалом основной части и сносок, имеющих в авторской концепции принципиальное значение; практический – рекомендации, которые автор был вынужден дать ещё и потому, что общеевропейская безопасность в большей степени, чем национальная является конструируемой системой / феноменом.

10. Автору было важно показать, каким потенциалом обла-

дают работы отечественных политологов³ и какое значение это имеет для отмеченной выше ответственности научного сообщества за будущее состояние мира, его отдельных регионов и разрешение фундаментальных общеевропейских проблем. В качестве примера практико-ориентированного подхода появилась шестая глава монографии. Поскольку дальнейшее изучение проблематики существенно повысит практический выход, представленные в ней алгоритмы должны считаться предварительными⁴.

На первом этапе *эмпирическая база* монографии формировалась с помощью сплошной выборки, которая затронула все без исключения статьи в десяти журналах⁵, четырёх сборниках

³ Поэтому он готов услышать критику в свой адрес, что часть приведённых в списке использованной литературы работ якобы не относится напрямую к общеевропейским проблемам безопасности, и может дать следующие пояснения: *во-первых*, речь, как отмечалось выше, идёт об авторской концепции и авторской классификации проблем; *во-вторых*, число работ в отечественной политологии, напрямую посвящённых общеевропейской безопасности крайне мало, а заложенный в многочисленных изученных автором статьях потенциал столь велик, что оставлять его без внимания было бы нецелесообразно; *в-третьих*, анализ и синтез фундаментальных и «классических» общеевропейских проблем в сфере безопасности, который автор начал в данной и намерен закончить в следующей монографии, будут, по его мнению, иметь важное теоретическое и практическое значение. Поэтому во введении к монографии автор сознательно отказался от детализации научной новизны, практической и теоретической значимости, которые, в чём легко убедиться при чтении, в монографии, вне сомнения, присутствуют. Однако системность требует не частного, а полного выделения и формулирования научной новизны, практической и теоретической значимости полученного результата. Это можно будет сделать только при подготовке следующей монографии. Поскольку предмет в данной монографии, на взгляд автора, исследован полностью, а монография не является как, к примеру, кандидатская или докторская диссертации, классификационной работой, авторские отступления не нарушают установленных правил, не влияют на научную ценность монографии и не уменьшают значение полученного на данном этапе исследования результата, что отражено в заключении.

⁴ Специальное обращение к «классическим проблемам» и последующая систематизация полученных результатов наверняка потребуют изменения содержательного наполнения алгоритмов.

⁵ «Актуальные проблемы Европы», «Вестник Дипломатической академии МИД РФ: Россия и мир», «Вестник МГИМО(У)», «Международная аналитика», «Международные процессы», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «Научно-аналитический вестник ИЕ РАН», «Современная Евро-па», «Обозреватель / Observer».

«Европейская аналитика»⁶, в аналитических сборниках, сборниках статей и материалов конференций, выпущенных ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова и размещённых на официальном сайте ИМЭМО РАН. В последнем случае автор отобрал для работы на втором этапе 43 сборника.

Автор убеждён, что без детального, обусловленного выбранным им предметом исследования, анализа, проведённого на первом этапе, многие статьи ни по названию, ни по основному содержанию вряд ли были бы использованы при изучении фундаментальных проблем общеевропейской безопасности, что ещё раз доказывает важность появления других (альтернативных), в том числе в виде диссертационных исследований, концепций и систематизаций работ отечественных политологов.

Особенность работы над эмпирической базой на втором этапе состояла в соблюдении следующих принципов:

- избегание повторов в цитировании с первой монографией;
- выделение новых проблем;
- представление новых ракурсов;
- исключительный анализ наработок отечественной политологии (к примеру, в «Ежегодниках СИПРИ» на втором этапе рассматривался только специальный раздел ИМЭМО РАН);
- отказ от самоцитирования.

На третьем этапе (этапе авторского редактирования монографии) пришлось ещё раз сократить эмпирическую базу, частично компенсировав сокращение сносками. Итоговый количественный показатель процитированных работ соответствует нумерации списка использованной литературы.

По сравнению с первой монографией нижние *хронологические рамки* не изменились⁷, а верхние были подняты до марта –

⁶ Европейская аналитика 2017 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. 176 с.; Европейская аналитика 2018 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с.; Европейская аналитика 2019 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. 144 с.; Европейская аналитика 2020 / под общ. ред. К.Н. Гусева. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 176 с.

⁷ См. подробнее: Синдеев А.А. Указ соч. С. 12. Исключение составил журнал ИМИ МГИМО(У) «Международная аналитика». Автор проанализировал в

апреля 2021 г.

Автор критически относится к проделанной им работе, поскольку, в силу объёма изученного материала, он не смог расширить эмпирическую базу статьями коллег из региональных журналов (исключение пп. 23 и 36 в списке использованной литературы). В то же время он понимает, что с каждой последующей монографией в этом научном направлении объём материала будет возрастать, а стоящие перед ним исследовательские задачи – усложнятся.

ГЛАВА 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Изменения в системе международных отношений естественны и постоянны. Постоянство делает их частью традиции. Длительные временные изменения привычно называют трансформациями.

Если принять во внимание замечание Б. Земцова о том, что в XX в. западная цивилизация (в его интерпретации – «Запад как локальная социо-историческая система»⁸) «вступила в период глубинных трансформаций»⁹, то придётся признать и другое: периоды трансформаций и пространственных изменений изучены в политологии лишь фрагментарно.

Неслучайно результаты одной из последних работ, посвящённых отнюдь не новому предмету – сравнению систем международных отношений¹⁰, представленные в виде таблицы (см.

нём статьи, опубликованные в 2020 и 2021 гг.

⁸ Земцов Б.Н. Цивилизационная предопределённость внешней политики Запада // Обозреватель – Observer. 2018. №7. С. 59.

⁹ Там же.

¹⁰ Каширина Т.В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель – Observer. 2018. №7. С. 22-29. Т.А. Шаклеина предпочитает не разграничивать «международные отношения» и «мировую политику», поскольку «[м]еждународные отношения – всеобъемлющая сфера существования и взаимодействия разных игроков... Международные отношения являются многоплановым, многоуровневым и предметно комплексным научным полем, так как, изучая государство, мы неизбежно изучаем все стороны его деятельности в разных сферах и на разных направлениях. Ведь именно государства учреждают международные (глобальные и регио-

ниже), дают крайне любопытную информацию относительно эволюционных механизмов.

Вестфальская система	«Венский концерт»	Версальско-Вашингтонская система	Ялтинско-Потсдамская система
«приоритет национального государства»			«признание суверенного равенства государств»; «признание территориальной целостности государств»
«принцип баланса сил»	«сохранение территориального и политического статус-кво в Европе»	«попытка формирования системы коллективной и региональной безопасности»	«нерушимость установленных границ»; «невмешательство во внутренние дела других государств»
«принцип действия международного права и дипломатических средств в международных отношениях»	«возможность коллективного вмешательства в дела государств, охваченных революциями»; «необходимость дипломатических консультаций по международным проблемам»	«попытка формирования системы коллективной и региональной безопасности»	«принцип неприменения силы»; «мирное урегулирование споров»; «необходимость соблюдения норм международного права»

Составлено автором по: Каширина Т.В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель – Observer. 2018. №7. С. 22-24 (в кавычках – цитаты из статьи).

Получается, что государство на разных стадиях, в разных формах и в разном состоянии жизнеспособности континуитетно присутствует во всех конфигурациях, участвует в сохранении и развитии «структу[r] региональной безопасности (например, ОДКБ)»¹¹, а в варианте крупных держав – ещё и в поддержании «концепци[и] ядерно-силового сдерживания и стратегической стабильности»¹². Наверное, именно по этой причине Т.В. Каширина и утверждает: «Вестфаль в Ялтинско-Потсдам-

нальные) институты разного формата, обеспечивают их жизнеспособность и контролируют их действия» (Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. №4. С. 37). Это косвенно подтверждает верность вывода Т.В. Кашириной о единой трансформационной линии в международных отношениях.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 24.

ском формате продолжает действовать»¹³, что можно интерпретировать и более радикально: речь идёт не о нескольких системах, а об одной развиваемой системе, искусственно подразделённой на периоды и принципы.

Процессуальный и содержательный континуитет укрепляет веру в управляемость системы¹⁴. Тем более в конфронтационный период холодной войны управляемость от кризиса к кризису возрастала, а система, прежде всего благодаря ответственности и заинтересованности значимых игроков, (само)совершенствовалась, о чём ёмко написал Ал.А. Громыко: «Холодная война не стала точкой невозврата, навсегда похоронившей планы устойчивого и уважительного партнёрства “великого альянса”». Об этом свидетельствуют масштабные усилия бывших союзников по выходу из пикé холодной войны, предпринятые в 1960–1970-е годы, а затем с новой силой в следующее десятилетие. Период разрядки заключал в себе предпосылки не только временного снижения напряжённости, но и возможности вырваться из “заливочной формы” жёсткого противостояния. Этим планам не удалось сбыться в силу просчётов обеих сторон биполярного мира. История свидетельствует, что объективные и субъективные обстоятельства для отношений, обременённых соперничеством, но лишённых враждебности, и даже для союзнического взаимодействия существовали и в годы Второй мировой войны, и после неё. В той же мере это справедливо для оценки возможностей сотрудничества России, США, ЕС, Китая, других центров силы в XXI веке»¹⁵.

¹³ Там же. С. 27. См. также вывод Т.В. Кашириной, что «[в] качестве ключевых характеристик Ялтинско-Потсдамской системы можно указать следующие: высокая степень управляемости международных процессов; наличие у СССР и США своих сфер влияния в третьем мире; состояние конфронтации, не доходившее до глобальной войны; ... идеологическое противостояние» (там же. С. 23-24).

¹⁴ «Вестфаль, а точнее Ялтинско-Потсдамская система, – утверждает Т.В. Каширина, – не может не трансформироваться, но при сохранении базовых основ и принципов». К трансформационной тенденции она относит замену «плюралистическ[ой] однополярност[и]... многополярной формой международных отношений» (там же. С. 28).

¹⁵ Громыко Ал.А. Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья вторая // Современная Европа. 2020. №6. С. 12.

Подчёркивая значение и масштабность исторического контекста, пережитых успехов и просчётов, Ал.А. Громыко рассматривает взаимоотношения партнёров «великого альянса» в качестве фундамента для создания современной международной системы, что ставит на повестку дня вопрос о том, почему в период холодной войны стороны в большинстве случаев находили возможность договариваться («выходить из пикё»), а в настоящее время – нет.

На этот вопрос Т.В. Каширина отвечает с помощью «новых факторов»¹⁶:

- глобализации, «в рамках которой идут процессы экономизации (укрепления мирового рынка), информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации... регионализации[и], выражающ[ей]ся в укреплении политических, экономических и других связей внутри региона»¹⁷;
- «подъём[а] и возрастани[я] международной роли таких держав, как Китай и Индия, так и региональных центров – Бразилия, Иран, ЮАР и др.»;
- «углублени[я] неравномерности развития регионов и стран мира, усилени[я] социального неравенства в мировом сообществе, возрастани[я] противостояния между богатым Севером и бедным Югом»¹⁸;
- «нарастани[я] глобальных проблем, связанных, в частности, с аномалиями климата на планете, влиянием пандемий»;
- появления «новых игроков», к примеру – «террористических и экстремистских организаций».

По её мнению, многофакторность усиливает «хаотизацию системы международных отношений» (см. подробнее главу 2). При этом следует понимать, что единого подхода к той же глобализации, всего лишь первому из факторов в классификации

¹⁶ Далее цит. по: Каширина Т.В. Указ. соч. С. 24-26.

¹⁷ См. также вывод Т.В. Кашириной, что «[с]плочение стран вокруг регионального лидера позволяет странам, с одной стороны, участвовать в глобализационных процессах, а с другой – сохранить себя в условиях конкуренции с ведущими западными странами» (там же. С. 24).

¹⁸ О ресурсной составляющей понятия «национальная безопасность» см.: Штоль В.В. Новые вызовы XXI века // Обозреватель – Observer. 2019. №9. С. 5-22.

Т.В. Кашириной, в научном сообществе до сих пор не выработано.

В подходе В.Г. Егорова и В.В. Штоля «глобализация составляет одно из закономерных направлений всемирно-исторического процесса, проявляющегося и развивающегося в единстве с противоположным, но также закономерным вектором общественной эволюции – регионализацией. Современная тенденция мировой интеграции, – констатируют авторы, – подготовлена предшествующим ходом развития планетарной цивилизации... социальные новации эксплуатируются “уходящими” силами, стремящимися использовать ресурс нового для продления своего присутствия на “исторической сцене”, и нарождающимися силами, способными обеспечить цивилизационный прогресс»¹⁹.

Закономерность глобализации выводится В.Г. Егоровым и В.В. Штолем из закономерности вариативных пространственных расширений, диалога, спора или конфликта разнообразных по содержанию и глубине региональных интеграций, что хотя и не отрицает целостности глобализации как мегапроцесса, но делает в научном плане более приоритетным анализ внутренней стороны вариативности, способов и перспектив взаимодействия интеграций.

В трактовке глобализации как совокупности региональных интеграций особого внимания заслуживает тезис В.Г. Егорова и В.В. Штоля касательно соединения «социальных новаций» и «уходящих сил», поскольку благодаря ему становится возможным определение трансформации через столкновение (ин)новаций (к примеру, «вступление человечества в информационную эпоху», когда «[з]нание, выдвинувшееся в качестве фактора, определяющего динамику планетарной цивилизации, трансформирует архитектуру миропорядка»²⁰; «прозрачность пределов национальных и государственных идентичностей»²¹) и традиционных процессов.

Обусловленный логикой исторического развития подход

¹⁹ Егоров В.Г., Штоль В.В. Глобализация: опыт концептуализации // Обозреватель – Observer. 2015. №9. С. 16.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же.

В.Г. Егорова и В.В. Штоля проявляется и в выводе о «совпадени[и]... интеграционного контекста [глобализации] с тенденциями эволюции, доминирующей на планете буржуазной социальной системы»²², что автоматически соединяет трансформацию рыночных отношений, универсализацию свойственных капитализму признаков и глобализацию.

В данном контексте «гегемонистские планы Соединённых Штатов, продавливающих национальные интересы в качестве контента глобализации, вступают в противоречия с интересами мирового сообщества» не только из-за претензии на универсальность, но и вследствие стремления помешать успешной реализации иных (не обязательно универсальных) моделей, возникших с помощью освоения или переработки исходной западной модели. Ведь успешность окончательно десакрализирует Запад и заставит его признать многовариантность как принцип развития мира²³.

В подходе Ал.А. Громько, с одной стороны, подчёркивается ситуативная диспропорция и упрощённость конкурентно-ориентированной глобализации, которая «во многом... превратилась из саморегулирующегося экономического процесса в политический инструмент для подавления бизнес-конкурентов, в том числе с помощью произвольных рестрикций, экстерриториальных санкций, действий в обход правил Всемирной торговой организации со ссылками на интересы национальной безопасности»²⁴.

С другой стороны, глобализация является сложным процессом и мыслится в трёх аспектах:

а) *как потенциально саморегулирующийся проект* (см. выше о «саморегулирующемся экономическом процессе»), обладающий объективными характеристиками, которые привлека-

²² Там же. С. 11.

²³ См. в статье В.В. Штоля и А.Г. Задохина «Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития»: «на повестку дня международной политики встаёт вопрос об изменении существующего миропорядка и новой системы глобального управления, а следовательно, и форм самоорганизации» (Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель – Observer. 2019. №1. С. 14).

²⁴ Громько Ал.А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» // Обозреватель – Observer. 2020. №7. С. 25.

ют в её круг максимальное число участников;

б) как *многоэтапный и не всегда успешный, сопровождаемый дезинтеграцией/ями, процесс*; современный этап Ал.А. Громыко считает «продолжение[м] кризиса ультрафазы глобализации, кризис[ом] ряда элементов глобального мира, возникшего за последние 40 лет, – ... кризис[ом] неолиберальной и западноцентричной модели глобализации, фиаско[м] экономического и политического неолиберализма»²⁵;

в) как *многоуровневый процесс и/или феномен*; в этой связи он указывает на то, что «региональная интеграция вытесняет интеграцию глобальную, то есть регрессивные, дезинтеграционные процессы на более высоком уровне сочетаются с ростом востребованности интеграционных процессов на более низком, региональном уровне»²⁶. Из чего можно заключить, что после-

²⁵ Там же. См. о триггерах дезинтеграции у Ал.А. Громыко: «главными государствами-триггерами дезинтеграции ультрафазы глобализации стали Соединённые Штаты и Британия, которые долгое время составляли ядро её неолиберальной модели» (Там же. С. 27). Традиционную для отечественной политологии цепочку рассуждений о снижении влияния США см. у А.И. Конурова: «Американская элита видела в глобализации инструмент упрочения влияния Соединённых Штатов в мире, его распространения на новые регионы, а также создания прочной институциональной основы для однополярности. До определённого момента эти расчёты оправдывали себя. Однако в конечном итоге логика развёртывания глобализационных процессов привела к появлению глобальных экономических и политических субъектов, которые не только отказывались обслуживать американские интересы, но и, наоборот, стали приносить США к своим нуждам, и то, что раньше казалось конкурентным преимуществом, стало обнажать уязвимые места самой Америки. Глобализация не изменила природу капиталистической системы, которая разделяется на ядро и периферию, однако в условиях глобализации ни ядро, ни периферия уже не ассоциируются с конкретными географическими регионами» (Конуров А.И. Геополитические последствия пандемии коронавируса // Вестник Дипломатической академии. 2021. №1. С. 9). Об интеграциях и дезинтеграциях в мире см. подробнее: Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике (Мировое развитие. Выпуск 16) / отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 187 с.

²⁶ Громыко Ал.А. (Дез)интеграционные процессы... С. 25-26. О полицентризме («концентрации полицентризма») см. вывод Ал.А. Громыко: «Пока рано судить, какая его модель утвердится в качестве доминирующей и с какой иерархией стран. Пандемия лишь обострила соперничество за позиции в первой двадцатке наиболее влиятельных государств мира. В условиях углубляющихся противоречий между различными центрами силы России требуется сохранить геополитическую и иную автономию в мировых делах, не встраиваться

дующая глобализация должна будет считаться со сложившимися региональными моделями. Неслучайно, «[с]обытия, связанные с пандемией коронавируса COVID-19, укладываются в процессы по кристаллизации полицентризма в международных отношениях»²⁷.

В подходе А.А. Казанцева и В.М. Сергеева «[г]лобализация представляет собой процесс усиления сетевых контактов, связывающих разные части Земного шара»²⁸. «Плотность сетей» и «узловые точки контактов» распределяются, по их мнению, неравномерно, а «предельной точкой концентрации является система мегаполисов-ворот в глобальный мир»²⁹. В их изложении движения глобального мира напоминают движения маятника с точками подъёмов (разнонаправленной экспансии) и спада: «На этапе экспансии процессов глобализации, – полагают авторы, – происходит усиление ... сетевых связей и насыщение их ресурсами. На этапе спада глобализации... ослабление... связей»³⁰.

В отличие от детерминированных концепций глобализации с доминирующими факторами и процессами гибкость сетевого подхода эффективно работает на внешнюю привлекательность, что одновременно делает его менее пригодным для системного анализа, поскольку «плотность сетей и контактов» сыграет свою роль только тогда, когда «сети» и «контакты» имплицитно и транслируют закономерности.

В детерминированных концепциях, думается, важно зафиксировать действие константных факторов и вырабатываемую ими ситуационную иерархию, заимствовать у сетевого подхода идею разнонаправленной амплитуды, обыденности временной протяжённости и нециклического движения, длительности пребывания в точках экспансии и спада.

в уязвимый нарратив формирования новой американо-китайской биполярности» (Там же. С. 36).

²⁷ Там же. С. 36.

²⁸ Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО(У). 2020.

№2. С. 62.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Если для Ал.А. Громько «[п]остпандемическое общество во многом будет продолжением реалий жизни до эпидемии», потому что «[с] приходом коронавируса произошло ужесточение экономической, информационной, технологической и иных разновидностей конкуренции, замешанной на политике»³¹, то для М.М. Лебедевой и Д.А. Кузнецова «дальнейшее развитие интернет-коммуникации позволит расширить и интенсифицировать коммуникацию акторов... что... приведёт к... развитию глобализации и демократизации мира, поскольку позволит множеству людей, организаций, компаний принимать участие в обсуждении и принятии решений, которые выходят за пределы национальных границ»³².

При этом М.М. Лебедева и Д.А. Кузнецов осторожно замечают, что «есть основания полагать»³³, что международное сотрудничество будет развиваться и тем самым деглобализационные тенденции, обострившиеся в связи с пандемией, будут элиминированы», что, однако, «не снимает [для них] вопроса о необходимости перестройки глобального управления» («архитектоники будущего глобального управления»), «трансформации отдельных международных структур»³⁴.

В свою очередь, А.А. Дынкин и Е.А. Телегина выделяют шесть основных последствий пандемии³⁵, важных для предме-

³¹ Громько Ал.А. (Дез)интеграционные процессы... С. 24-25.

³² Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // Вестник МГИМО(У). 2021. №2. С. 16. В.М. Давыдов придерживается, по всей видимости, схожего мнения: «Уроки нашего времени... должны в конечном счёте поменять вектор общественных настроений. В таком случае “стрелка часов” переводится на гражданское общество, на необходимость возникновения “нового мышления”» (Давыдов В.М. Императивы устойчивого развития в тени и в свете пандемии // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2021. №3. С. 11-22. URL: <https://gas.jes.su/meimo/s013122270014417-9-1> (дата обращения 10.06.2021).

³³ Ср. у них же: «Пандемия реально показала, что глобальная угроза может прийти не от какого-то государства или с какой-то территории, как, например, терроризм, а иметь биогенный характер... быть ориентировано на сотрудничество и взаимодействие государств, международных организаций и институтов, а также структур бизнеса и академических сообществ. Иными словами, оно должно быть многосторонним и многоуровневым» (Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 17-18).

³⁴ Там же.

³⁵ Здесь и далее по статье см.: Дынкин А.А., Телегина Е.А. Шок пандемии и

та нашего исследования:

- «[о]чевидно, – подчёркивают они, – что эпидемиологическая угроза займёт в международном общественном сознании такое же место, какое после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года занял терроризм»;
- «[п]равительства и государства в целом резко умножат свои регуляторные и административные функции»;
- «[п]редрекать полный коллапс глобализации было бы опрометчиво, поскольку глобальные вызовы требуют глобальных ответов»;
- «санкционная и протекционистская политика потерпела морально-психологическое поражение и признана в качестве препятствия для посткризисного экономического восстановления»;
- от госуправления «можно ожидать интенсификации тренда на его ренационализацию»;
- «[к]оронакризис обнажил тот факт, что в реальности архитектура Евросоюза зависла в неустойчивом промежуточном положении между европеизацией ценностей и национализацией интересов».

Данные последствия можно свести к двум тезисам: 1) сплочение мира в решении глобальных проблем остаётся залогом успеха и в постпандемийный период; 2) основная роль в международном сотрудничестве по-прежнему принадлежит государству. Признание ведущей роли государства предполагает признание возможностей работы потенциальных конкурентов и противников, в том числе негосударственных акторов, над ослаблением государственных структур, разделением обществ, увеличением числа угроз и постоянной вовлечённостью госструктур в разрешение кризисных ситуаций и ликвидацию угроз.

С учётом действия различных факторов (в первую очередь временного и ресурсного) будущее и реальная субъектность государств, их участие в глобализационных проектах и осуществление политики безопасности должны определяться перехо-

посткризисный мир // МЭиМО. 2020. №8. С. 5-16. Цит. по: <https://ras.jes.su/meimo/s013122270011989-8-1> (дата обращения: 15.04.2021).

дом на стратегическое планирование и стремлением построить то, что М.М. Лебедева и Д.А. Кузнецов назвали «идеальным будущим».

Сценарии такого будущего будут, по всей видимости, поликонтекстными и многовариантными. Зависимость от конкретного контекста сделает актуальным переход на гибкое сетевое проектное государственное управление, побудит заменить в ряде стран рамки национальных стратегий на национально-региональные и национально-глобальные, уточнить понимание безопасности.

Пока же в научных исследованиях ожидаемо выясняется, что считать наиболее вероятным сценарием развития мира и какими принципами нужно руководствоваться в развитии. Позднее, наверняка, будут сформулированы практические рекомендации к стратегиям / траекториям развития и безопасности.

Первый вариант «идеального будущего» в изученных нами работах распространяется на глобализацию. Правда, теперь речь идёт о «Глобализации 2.0»³⁶. Один из ярких примеров размышлений в этом направлении представляет статья А.В. Кортунова. Рассмотрим и проанализируем основные с точки зрения предмета нашего исследования тезисы автора.

1. Смена глобализационных парадигм, полагает А.В. Кортунов, объективна и произойдёт, потому что «мы [находимся] на подходе к низшей точке новой “деглобализационной стадии” глобализационного цикла». Согласившись с А.В. Кортуновым, придётся признать, что завершается первый (в иных трактовках – очередной) этап глобализации, существования глобализационной парадигмы (системных изменений). Кроме подведения предварительных итогов нужно будет рассчитывать на выделение константных факторов и сил, которые, независимо от но-

³⁶ Другое понимание и другую нумерацию см.: Кувалдин В.Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // МЭиМО. 2021. №1. С. 5-13. URL: <https://ras.jes.su/meimo/s013122270013692-2-1> (дата обращения 03.03.2021). По мнению В.Б. Кувалдина, сейчас нужно ожидать глобализацию-3. Для глобализации-2 «[с]вященным писанием глобализации-2 стала идеология неолиберализма». Далее положения концепции А.В. Кортунова цит. по: Кортунов А.В. Какой будет «глобализация 2.0»? // Международная жизнь. 2021. №3. С. 46-55.

вой парадигмы и нового этапа глобализации, продолжат свою эволюцию. Применительно к феномену безопасности проблема будет состоять в том, что действие многих факторов (см. подробнее главу 2) только началось. В этой связи необходимо будет либо развести глобализацию и безопасность, признав их автономность, что противоречит не только историческому опыту, но и логике; либо интерпретировать глобализацию через совокупность самостоятельных (асинхронных) феноменов и процессов, не всегда подвергающихся влиянию фундаментальной парадигмы, характерных для неё элементов и траекторий, поставив тем самым проблему поддержания / обеспечения универсальности в асинхронном развитии.

2. «[М]омент смены вектора придётся сдвинуть как минимум ещё на два – три года в будущее – ближе к концу только что начавшегося третьего десятилетия XXI столетия»³⁷. Крайне важное, на наш взгляд, уточнение, поскольку управляемость асинхронностями – не столько теоретический, сколько сугубо практический вопрос, без ответа на который невозможны ни «Глобализация 2.0», ни «идеальное будущее».

3. «[В]ероятна модель горизонтальной глобализации, основанной на многосторонности»³⁸, – пишет А.В. Картунов. Привлекательность горизонтально-многостороннего плюрализма в мировом масштабе бесспорна, но не снимает с повестки дня проблему устойчивости основ сотрудничества (см. подробнее главу 4), потому что безопасность едва ли целесообразно выстраивать исключительно горизонтально-многосторонне.

4. «[В] условиях “Глобализации 2.0” её “волны”, скорее всего, будут идти в противоположном направлении – от периферии к ядру, а “совокупный Запад” начнёт всё чаще отгораживаться от периферии ограничениями миграции, возвращением к протекционизму, репатриацией на свою территорию ушедших ранее производств, подъёмом национализма и ксенофобии»³⁹. Интересно, что этот тезис можно воспринимать и как мотивацию к дискуссиям о безопасности и к конкретным предложени-

³⁷ Там же. С. 47.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 48.

ям не только в «центре», но и на «периферии», поскольку вызов периферии может быть как стихийным, так и сформированным. Другое дело, поможет ли подобный подход преодолеть / уменьшить асинхронность или, наоборот, укрепит её. От попыток задействовать периферию всё равно отказываться не стоит.

5. «Развитие глобализации... станет приобретать вид сетевого процесса без чётко выраженной географической иерархии. В эпоху “Глобализации 2.0” представления о “ядре” и “периферии” могут потерять прежнее значение, поскольку в любой стране мира найдутся элементы как первого, так и второго»⁴⁰. С учётом предыдущих размышлений допустимы три гипотезы: 1) выиграет тот, кто имеет чёткое представление об «идеальном будущем» и создаст соответствующие ему сети (модель / модели диалога, см. подробнее главу 4); 2) контакты на международной арене будут осуществляться ещё более дифференцированно между странами «ядра», между странами «ядра» и «периферии», между странами «периферии», то есть в рамках трёх самостоятельных унифицированных моделей; если в «Глобализации 2.0» утвердятся многосторонность, горизонтальность, периферийные волны, то это заставит проводить регулярный мониторинг международных институтов и организации дипломатической службы; 3) применительно к безопасности восторжествуют либо принцип «асинхронной непостоянности» (ситуативного разрешения конфликтов), либо принцип «асинхронного сплочения» (устойчивого институционализированного объединения некоторых стран «ядра» и «периферии» с унифицированными моделями диалога, уменьшающими воздействие внешних вызовов), поскольку равноправие в безопасности и универсальная безопасность остаются пока утопией.

6. «[Г]лавным критерием успеха отдельных государств станет уже не столько достижение высоких темпов экономического роста, сколько обеспечение перехода к моделям устойчивого развития. Значительно больше внимания будет уделяться вопросам социального равенства, качества жизни, экологической повестке дня, личной и общественной безопасности, борьбе с изменениями климата и пр. Линейное наращивание потребле-

⁴⁰ Там же. С. 48-49.

ния в любых его формах останется в прошлом»⁴¹. Устойчивое развитие и необходимость решения глобальных проблем теоретически должны настраивать на сотрудничество и «асинхронное сплочение» в сфере безопасности. При доминировании идеи устойчивого развития правительствам будет довольно сложно противостоять желанию обществ к сотрудничеству.

7. «Искусство успешного глобального и регионального управления... должно включать в себя умение балансировать между имеющимися в мире или регионе расходящимися пониманиями справедливости»⁴². Принципиальный, на наш взгляд, тезис А.В. Кортунова, поскольку в нём соединяются «справедливость» и «устойчивость» и допустима гипотеза, согласно которой популярность справедливости в обществе утверждает мировоззрение сотрудничества.

8. «[Н]а этапе “Глобализации 2.0” мы увидим новое усиление негосударственных игроков на мировой арене. Очень многие международные проблемы будущего не имеют решений, иначе как в формате широких государственно-частных партнёрств (ГЧП)... для того, чтобы блокировать наиболее опасные и дестабилизирующие направления гонки вооружений, необходимо активное участие ведущих корпораций оборонного сектора»⁴³. С одной стороны, тезис возвращает нас к сетевому характеру «Глобализации 2.0»; с другой – очевидно, что государственная монополия на власть едва ли сможет сохраниться в прежнем виде. Более того, государство, если оно намерено гарантировать стабильность, должно быть заинтересовано в максимально транспарентном диалоге в рамках ГЧП.

9. «Многосторонние глобальные проекты будут складываться... вокруг общих интересов. Вероятно, одним из долгосрочных результатов процессов “Глобализации 2.0” могла бы стать конвергенция отдельных ценностей»⁴⁴. Общий знаменатель между ценностями и интересами возможен либо через цивилизационную, либо через правовую составляющие. В первом слу-

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Там же. С. 51.

⁴³ Там же. С. 51-52.

⁴⁴ Там же. С. 52.

чае речь идёт о конвергенции ценностей разных цивилизаций (пересмотре норм международного права), во втором – о развитии универсальных правовых стандартов (подтверждении ценности норм международного права). Наиболее вероятным в ближайшей перспективе останется, по всей видимости, второй вариант, так как согласованный пересмотр в условиях асинхронности процессов – трудоёмкое и неэффективное занятие, хотя конвергенцию ценностей на завершающей стадии трансформационного периода нельзя списывать со счетов⁴⁵.

10. «Глобализация 2.0» будет асинхронной, то есть она будет предполагать различную скорость глобализационных процессов в различных областях⁴⁶. Частично преодолеть / затормозить асинхронность можно будет лишь при наличии консенсусного сотрудничества основных акторов в приоритетных областях (см. выше о «выходе из пикé» у Ал.А. Громыко). Вопрос, насколько реально такое продвинутое сотрудничество в условиях общей асинхронности и при наличии унифицированных моделей диалога, пока остаётся дискуссионным.

11. «[Б]удут формироваться подвижные ситуативные коалиции участников, причём не только из числа национальных государств, но также с подключением частного сектора, институтов гражданского общества, других участников международной жизни» («проектно-проблемный подход» вместо «институционального подхода»)⁴⁷. По всей видимости, А.В. Картунов не верит в длительность коалиций. Однако в общей цепочке рассуждений более важна проблема общественной значимости проектов, временных и ресурсных затрат. Безопасность в данной трактовке – всего лишь один из многочисленных перспективных

⁴⁵ Ср. размышления В.В. Штоля и А.Г. Задохина: «Следует констатировать, что мировые государства-полюсы и центры силы имеют различные системы ценностей, которые сохраняют в себе исторический конфликт культур и цивилизаций, а также просто память о прошлых конфликтах... хотя многополюсный мир лучше однополюсного или биполярного, но это не гарантирует обеспечение международной безопасности. Более того, соперничество между странами мешает решать глобальные проблемы человечества. Следует учесть, что в статусе “лидер” присутствует субъективная составляющая» (Штоль В.В., Задохин А.Г. Указ. соч. С. 15-16).

⁴⁶ Картунов А.В. Указ. соч. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 54.

проектов. И как показали молодёжные экологические движения последнего времени, она, несмотря на усиление конфликтного потенциала в мире, не приобретает особой значимости⁴⁸.

Второй вариант «идеального будущего» встречаем у А.А. Дынкина и Е.А. Телегиной: «Настало время, – констатируют они, – ответственного развития... Источниками ответственного развития становятся неограниченные и возобновляемые интеллектуальные, творческие, альтернативные природные ресурсы. Ответственное развитие открывает пространство для экономики знаний, экономики впечатлений, солидарной экономики и экономии на разнообразии... Её экономическая суть состоит в ориентации на нематериальное производство и потребление, для которых имеются неограниченные ресурсы – интеллектуальные, творческие и природные, в том числе через расширение использования природоподобных технологий. В межгосударственных отношениях со всей очевидностью назрел отказ от стратегий экспорта собственных моделей развития. Настало время понять и признать, что плюрализм национальных социально-политических моделей историчен и снижает энтропию, что гетерогенность устойчивее гомогенности»⁴⁹.

В отличие от устойчивого ответственного развитие – не только новый, но и содержательно более масштабный термин, хотя бы потому, что с его помощью может быть видоизменено содержательное наполнение устойчивости, по-иному расставлены акценты в разных стратегиях и на разных уровнях ответственности за развитие – индивидуальном, групповом, национальном, региональном, межрегиональном, глобальном, внутрикультурном, межкультурном, внутрицивилизационном, междивилизационном. Парадигма общей ответственности продуцирует системные дискуссии о сути и субъектах ответственности в отдельных сферах и об устойчивости гетерогенности.

Третий вариант «идеального будущего» наблюдается у А.А. Казанцева и В.М. Сергеева, для которых суть «принципи-

⁴⁸ А.В. Кортунов предостерегает: «если человечество не сможет договориться о цивилизационном синтезе, то эпоха “Глобализации 2.0” может закончиться так же плачевно, как и эпоха “Глобализации 1.0”» (Там же. С. 55).

⁴⁹ Дынкин А.А., Телегина Е.А. Указ. соч. URL: <https://ras.jes.su/meimo/s013122270011989-8-1> (дата обращения 15.04.2021).

альн[ой] “развилк[и]”... в горизонте весьма далёком, например, 25-50 лет»⁵⁰ состоит в следующем: «Либо произойдёт становление другой политической “оболочки” экономической глобализации. Изменится сама модель гегемонии, в рамках которой лидирующую роль будет играть уже не национальное государство, типа США. Например, может быть создана модель гегемонии на основе “Группы двадцати”... Либо структура мировой гегемонии сохранится, но при этом произойдёт смена лидера с США на КНР (несколько менее вероятным представляется сохранение роли США в перспективе большей, чем три десятилетия). В случае выхода КНР на роль глобального гегемона “западноцентричная глобализация” будет сменена другой ценностно-культурной “оболочкой”... Возможна также какая-либо смешанная форма. Например, оформленный как “Группа двадцати” концерт великих держав, при лидирующей роли США или КНР, делающий свои решения общеобязательными для других стран через свою доминирующую роль в структурах ООН»⁵¹.

⁵⁰ Казанцев А.А., Сергеев В.М. Указ. соч. С. 61.

⁵¹ Там же. С. 61-62. См. пример смешанного варианта: «“Новый мировой порядок” должен иметь экономические обоснования, отражающие прогнозируемые последствия вхождения мировой экономики в новый “длинный цикл” экономического развития (“цикл Кондратьева”) и, соответственно, новую систему инвестиционных приоритетов... Противоборство “сетевое” и условно “иерархического” (государственнического) мира будет, вероятно, локализовываться в возникающих на стыке разнотипных пространств, которые могут быть отнесены к “серым зонам” влияния новых экономических и политических центров... в отличие от сценария С. Хантингтона... мы столкнёмся с относительно вялотекущими трансформациями, прорывающимися взрывными событиями в важнейших “точечных пространствах”. Такие конфликты-трансформаторы в совокупности будут выглядеть как попытка растянутой по времени геэкономической и геополитической “торговли”... Институциональная политика начинает утрачивать своё значение как идентификационный фактор и существенно сокращает своё значение как фактор национальной мощи государств... начинает формироваться “гибридная” политика, в том числе основанная на способности поддерживать национальный суверенитет по большинству параметров, а также обеспечивать относительную цивилизационную самостоятельность. Главная проблема современного глобального политического пространства заключается в том, что... государственный суверенитет становится экстравертным, то есть приобретаемым через способность “доказать” свою суверенность... во внешнем пространстве... Фактором, оказывающим существенное влияние на формирование новых фокусов консолидации, может стать активное встраивание в геэкономические процессы специфиче-

В третьем варианте описаны гипотезы, касающиеся структурных изменений в лидерстве, что принципиально отличает его от двух предыдущих мировоззренческих вариантов, где в центре находится смена идейных парадигм, благодаря которой смогут сформироваться новые и трансформироваться старые структуры.

Во всех трёх вариантах не отрицается, что глобализация продолжит определять развитие мира. Следовательно, общеевропейская безопасность остаётся встраиваемым в глобализационную парадигму и/или рамку феноменом, зависит от идейного насыщения глобализации.

Парадокс современной ситуации в том, что приостановка глобализации, дезинтеграции и асинхронность отдельных процессов приводит к автономному развитию феномена безопасности.

Исходя из вышеизложенного, для появления современной концепции общеевропейской безопасности (системы общеевропейской безопасности) необходимы два взаимосвязанных алгоритма.

Цель первого – утвердить в национальных общественно-политических дискурсах представление о глобализации как о саморегулирующемся, многоэтапном и многоуровневом процессе (см. тезисы Ал.А. Громыко), что позволит выработать межгосударственный и внутриобщественный консенсусы касательно наличия объективных объединяющих черт глобализации и ответственности предварительной подготовки / апробации общих траекторий на региональных уровнях (см. тезисы В.Г. Егорова, В.В. Штоля и Ал.А. Громыко) при условии, что участники

ских национальных, религиозных или социокультурных общин, изначально действующих в сетевизированном формате и способных занимать важнейшие ниши, связанные с монетизацией и оборотом ренты... Глобальный вооружённый конфликт маловероятен в силу того, что фактор ядерного сдерживания на глобальном уровне продолжает быть актуальным, но конфликты меньшего уровня становятся всё более реальными в силу утраты культуры эскалации нынешними политическими элитами Запада... по мере системной деградации геополитической модели поздней глобализации устойчивость системы сдерживания даже в ядерной трактовке входит в пространства операционной неопределённости» (Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Пять гипотез о будущем мире // Международная жизнь. 2020. №8. С. 15-18).

региональных интеграций будут сотрудничать транспарентно и возьмут на себя обязательства постоянно обмениваться мнениями на площадках действующих международных институтов, принимать общие дорожные карты (см. тезисы А.А. Казанцева и В.М. Сергеева).

Цель второго – обеспечить создание и широкое обсуждение сценариев «идеального будущего» (см. тезисы М.М. Лебедевой и Д.А. Кузнецова), поскольку только мировоззренческие сценарии (см. тезисы А.В. КОРТУНОВА, А.А. ДЫНКИНА и Е.А. ТЕЛЕГИНОЙ) способны заменить «картину мира» и вытеснить из сознания устаревшие конфронтационные элементы. Важно помнить, что общеевропейская безопасность (система общеевропейской безопасности) – не самостоятельный, а конструируемый феномен, для появления которого в идеале необходимо сначала изменить среду (представление о глобализации), дискурсы, интерпретации ситуационного и перспективного, а частично – и текущую политику⁵². Дискуссии по конкретным предложениям архитектуры безопасности, хотя это может показаться доволь-

⁵² О применении технологий, связанных с идентичностью, см. статью С.В. Устинкина и А.В. Рудакова: «Особенностью ситуации является то, что тактика применения подобного рода технологий гибко подстраивается под изменяющуюся ситуацию в стране-противнике, а арсенал самих технологий является предельно широким. При описании подобного рода инструментария в западном и российском экспертных сообществах применяются такие термины, как: – технологии “мягкой силы”; – сетевые воздействия; – “поведенческие войны”; – информационно-когнитивные технологии; – технологии трансформации социального поведения и др... Одним из элементов стратегии применения современных высоких социогуманитарных технологий является системное возвращение узкой прослойки населения из числа активных пользователей социальных сетей и блогосферы, не имеющих отношения к экспертно-научной среде, политической элите, работникам общенациональных СМИ... Идентичность становится объектом противоборства не только в силу колоссального прорыва в развитии гуманитарных технологий, способных оказывать воздействие на процессы её формирования и трансформации (Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность – объект современного глобального противоборства // Обозреватель – Observer. 2017. №9. С. 54-55, 57). В этом контексте полезными будут статьи М.В. Ведерникова и И.С. Семененко: Ведерников М.В. Формирование национальной идентичности в современной Словакии // Вестник МГИМО(У). 2021. №1. С. 94-125; Семененко И.С. Дискурсы идентичности и общественные настроения в Италии 2010-х годов // Италия в начале XXI века (сб. статей по итогам конференции) / отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 51-57.

но спорным, вторичны. Если в силу объективных причин создание и реализация второго алгоритма не получатся, то конструируемость общеевропейской безопасности позволяет поразмышлять над отдельным алгоритмом формирования концепций общеевропейской безопасности (см. главу 6).

Любопытно и другое: «новые факторы» (тезисы Кашириной) после запуска алгоритмов потеряют былую остроту, а эволюция международной системы (порядка) примет упорядоченный характер, поскольку и баланс сил, и равенство, и статус-кво – интеллектуальные продукты мировоззрений, определённых политических и научных парадигм.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В выделенных коллегами факторах отражаются современные риски, угрозы и противоречия. С учётом материала первой главы наша задача – не только охарактеризовать эти факторы, но и проанализировать, могут ли они быть вписаны в мировоззренческий поиск создания (конструирования) общеевропейской безопасности.

Первым фактором является технологическое развитие⁵³. Часть авторов анализирует его через теорию технологической неопределённости. С точки зрения И.А. Истомина, «[р]убеж 2010–2020-х гг. отмечен дискуссиями относительно внедрения... новых вооружений, включая гиперзвуковые носители, ав-

⁵³ См.: Панкова Л.В. Инновационно-цифровые прорывы: США, Россия, Китай // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций / отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 7-14; Варнавский В.Г. США и Китай: глобальная конкуренция в инновационной сфере // Там же. С. 15-18; Данилин И.В. Инновационное развитие оборонного и разведывательного комплекса США: от новых инструментов к новой культуре // Там же. С. 19-22; Гусарова О.В. Цифровое развитие в оборонной сфере: смарт-контракты // Там же. С. 23-25; Данилин И.В. Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм // Международная аналитика. 2020. №4. С. 21-35 (технонационализм – «акцент элит на развитии национального научно-технологического потенциала и технологическом суверенитете в ключевых (под)отраслях». Там же. С. 32).

тономные боевые системы, военное применение искусственного интеллекта и квантовых вычислений, новое поколение противоракетных и противоспутниковых систем», вследствие чего «формируются ожидания относительно революционных изменений в способах ведения вооружённой борьбы», а «[р]яд государств рассчитывают на возможность с их помощью компенсировать количественные ограничения в численности военнослужащих, насыщении войск традиционными вооружениями, военных бюджетах»⁵⁴.

Лейтмотив подобных ожиданий – выявление «вероятных окон уязвимости», что среди прочего существенно повышает «риски крупномасштабных столкновений». И.А. Истомин настроен скептически, поскольку для него «неочевидно, что государства смогут контролировать развитие событий, так как их восприятие соотношения сил и перспектив вооружённой борьбы оказывается искаженным»⁵⁵.

Если принять во внимание, что ни одно государство не захочет уступить первенство в гонке технологий, то исход и результаты такой гонки трудно предсказуемы, как и перспектива возврата к гонке вооружений и возобладание, как и в период холодной войны, желания попытаться истощить социально-экономические силы противников и конкурентов.

В.И. Мизин также не уверен в способности государств бесконфликтно управлять достигнутым, но усматривает причину потенциальных рисков в сложности и противоречивости всего (не только военно-технологического) инструментария, который может быть использован для конфликтов и ведения боевых действий, разрушения стратегической стабильности. «В области технологий, – уточняет он, – появление стратегического неядерного оружия, прогресс в области кибертехнологий, взрывное развитие систем искусственного интеллекта, потенциальное появление космического противоспутникового и гиперзвукового оружия, разведывательно-ударных дронов... непосредственно влияют на стратегическую стабильность. В области информа-

⁵⁴ Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность // Вестник МГИМО(У). 2020. №6. С. 42.

⁵⁵ Там же.

ционного противостояния всё большее внимание уделяется концепции “гибридных войн”... Эта концепция предполагает использование в стратегических и геополитических интересах всех возможных средств злонамеренного воздействия»⁵⁶.

Широкое понимание гибридности, убежденность в её эффективности, слабое осознание непредвиденных последствий, с одной стороны, подкрепляют стремление максимально полно освоить смешанные технологии и методы; с другой – вызывают опасения у государств, не владеющих ими. При необходимости эти государства могут стать сторонниками инициатив по ограничению сфер или запрету применения гибридных угроз.

А.И. Подберезкин соглашается с коллегами, «что чрезвычайно быстрая и качественная смена поколений вооружений и военной техники... и... способов их использования создаёт иллюзию..., что с помощью прямого физического применения военной силы можно решить – быстро и радикально, ... относительно безопасно – накопившиеся международные проблемы»⁵⁷. Однако риски он воспринимает, по всей видимости, как временные. Неслучайно его указание на особенности «переходного периода»⁵⁸, который «может занять 10–15 лет»⁵⁹. Введение в научный оборот в этом контексте понятия «переходный период» вряд ли означает временность гонки технологий.

Неопределённость пространственной протяжённости и содержательного наполнения технологического фактора позволяет предположить, что скоординированное управление им в на-

⁵⁶ Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. №2. С. 152.

⁵⁷ Подберезкин А.И. «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2 // Обозреватель – Observer. 2019. №5. С. 6.

⁵⁸ К особенностям перехода, по его мнению, относится «ускоренное развитие силовых вообще и военных в частности возможностей западной [цивилизации]», пытающейся «добиться увеличения силового вообще и военно-технического превосходства в частности над другими [цивилизациями] и центрами силы» (Подберезкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1 // Обозреватель – Observer. 2019. №4. С. 13). См. также: Троянский М.Г., Карпович О.Г. Многополярность формируется в реальном мире // Международная жизнь. 2020. №8. С. 4–13.

⁵⁹ Подберезкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.)... С. 9.

стоящее время практически невозможно. Данный фактор продолжит своё развитие по совершенно неясной даже для его сторонников траектории. Что касается управления им в последующем, то объективно оценить шансы и риски также пока нерезально⁶⁰.

Второй фактор – изменение типов конфликтов. Речь, по мнению Е.А. Степановой, идёт об «относительно широко распространённых[x] локальных[x] конфликтов[ах] на периферии дееспособных государств, небольшого[м] числ[е] очень интенсивных интернационализированных гражданских войн в ослабленных или недееспособных государствах, как правило, претендующих на региональный масштаб, а также негосударственных[x] конфликтов[ах]»⁶¹, что, естественно, «не охватывает всех особенностей и направлений эволюции современного вооружённого насилия»⁶², но свидетельствует о его фрагментации, «возобновляемости... и преобладании[и]... неявных исходов», препятствиях быстрому «регулированию и устойчивому решению»⁶³.

Вместе с гонкой технологий фрагментация и затяжной характер насилия подпитывают представление о неопределённости, не проясняя взаимоотношений между обоими факторами. Кроме использования продуктов менее востребованных или ус-

⁶⁰ Ср. прогноз А.И. Никитина: «Начавшееся десятилетие уже характеризуется повышенной милитаризацией как экономики, так и политического мышления ведущих мировых держав. Новые направления гонки неядерных вооружений (и почти неизбежное возвращение в Европу после развала Договора РСМД гонки ядерных вооружений средней и меньшей дальности) будут подстегиваться как инерцией развития многочисленных, начатых на рубеже десятилетий военно-инфраструктурных проектов, так и снижением прозрачности и сворачиванием механизмов контроля над вооружениями (таких как ДОВСЕ, Договор об открытом небе, верификационные процедуры СНВ и др.) в военной сфере. Вспоминая вольный перевод китайской пословицы о нежелательности “жить в интересные времена”, хотелось бы сделать всё возможное, чтобы эпоха, в которую мы вступаем, не стала бы десятилетием, которое потрясёт Европу» (Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 69-70). См. также: Скороходова Н.П. Кибервойны. Информационные мифы и скрытые угрозы // Запад – Восток – Россия, 2016. Ежегодник / отв. ред. Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 44-47.

⁶¹ Степанова Е.А. Вооружённые конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // МЭМО. 2020. №6. С. 37.

⁶² Там же. С. 33.

⁶³ Там же. С. 37.

таревших технологий в конфликтах (алармистский сценарий) и надежды на то, что распространение вооружений на фоне фрагментации послужит стимулом для координации усилий государств по контролю над вооружениями (позитивный сценарий), установить что-либо конкретное затруднительно. Следовательно, фактор изменения типов конфликтов также может развиваться по своей слабоуправляемой траектории.

Третий фактор заключается в изменении «политических циклов», ««связки» между внешней и внутренней политикой», поскольку ««внешнее противостояние» служит “подпоркой” власти и используется для цементирования “единства” между властью и обществом»⁶⁴. Оба понятия («политические циклы»; «связка») обосновываются С.К. Ознобищевым, для которого «[в] первые десятилетия XXI века состояние европейской безопасности... стало соотноситься со сменой “политических циклов” в странах, являющихся основными игроками на мировой и европейской аренах»⁶⁵. Именно поэтому, уточняет С.К. Ознобищев, особую роль играют межличностные отношения, «помогающие удерж[ив]ать ситуацию от дальнейшего ухудшения»⁶⁶.

Учёт «политических циклов» и «связки» бесспорно необходим, но одновременно с этим объективно появляется ещё одна непредсказуемая траектория, поскольку современные «политические циклы», в которых совмещаются процессы развития демократии с процессами развития безопасности, уничтожают привычные границы между сферами общественного приоритета (к примеру, социальной справедливостью) и общественного интереса (невмешательства), замедляют внешнеполитическую деятельность. За редким исключением внешняя политика и безопасность практически всегда были привилегией профессионалов. В ситуации политической ревизии сложно удерживать пре-

⁶⁴ Ознобищев С.К. Американские (русские) горки европейской безопасности // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 18.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. См. об условиях смены курса: «предшествующая линия политики либо себя исчерпала, либо утратила былую энергию и привлекательность для элиты и общества», произошли «изменение внешнеполитической, мировой ситуации, а также изменение внешнеполитического курса партнёров по международным делам» (Там же. С. 39).

жние границы. Впрочем, ревизию можно интерпретировать и как шанс для конструирования новой парадигмы безопасности.

Четвёртым фактором являются военно-промышленные, оборонные проекты и темпы их реализации. Среди многочисленных работ, посвящённых ПЕСКО (*PESCO*), приведём цитату из статьи Т.В. Арзамановой: «Отказаться от участия в программе PESCO, – пишет она, – государства, не получающие прямой выгоды от создания европейского рынка вооружений, ... не могут себе позволить. PESCO – это огромный кусок “бюджетного пирога” Евросоюза, и в его распределении, естественно, хотели бы поучаствовать все страны ЕС»⁶⁷.

Проекты (не только ПЕСКО) выражают экономический (прибыль фирм и корпораций) и социальный (сохранение рабочих мест) интерес, что может вписываться в «политические циклы» и «связки», а может, если учитывать сроки подготовки контрактов, исполнения заказов, находиться вне циклов и связей. В последнем случае длительные проекты рискуют стать тормозом для гонки технологий. И хотя по сравнению с остальными управляемость этим фактором существенно выше, его негативное воздействие также слабо предсказуемо.

Пятый фактор – отсутствие признанных лидеров, конкуренция между крупными державами. М.В. Братерский, к примеру, приходит к следующему выводу: «К 2020 г. в мире окончательно сложились конфликтные тенденции в глобальной конкуренции крупных держав, разворачивающейся не только в военно-политической, но и в экономической и технологической областях»⁶⁸, следствием чего для него становится «новое понимание безопасности» (новые темы безопасности⁶⁹), потому что

⁶⁷ Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 35. Л.О. Бабынина, обосновывая «датские исключения», корректирует вывод Т.В. Арзамановой: Бабынина Л.О. Дания и европейская оборона: новые вызовы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №6. С. 39-44.

⁶⁸ Братерский М.В. Политика невоенной безопасности в Большой Евразии: Совпадают ли взгляды ведущих держав? // Актуальные проблемы Европы. 2021. №1. С. 68.

⁶⁹ См. о приоритетах у М.В. Братерского: «В центре внимания европейцев находятся прежде всего кибербезопасность, экологическая безопасность и вопросы экономической безопасности. При этом вопросы экономического и тех-

«крупные государства сражаются за своё будущее в глобальном контексте: одни (Соединённые Штаты) борются за сохранение своего лидерства и, следовательно, доходов, высокого уровня жизни, внутренней стабильности, военной безопасности, возможности конфигурировать в своих интересах мировые процессы; другие борются за расширение своих возможностей с тем же набором потенциальных выигрышей, что требует ограничения или ликвидации гегемонии США»⁷⁰.

Соревнование, конкуренция или борьба держав активизируют гонку технологий, не препятствуют распространению насилия, влияют на политические циклы и реализуемые государственные и межгосударственные проекты, что должно превращать данный фактор в основной фактор научного анализа. Однако соревнование, конкуренция и борьба – не только не схожие, но подчас и прямо противоположные феномены, а разношёрстный состав участников, разнонаправленность их интересов на фоне трансформации международной системы отнюдь не позволяют трактовать соревнование, конкуренцию, борьбу однозначно в качестве доминирующего или системообразующего фактора, отказаться от учёта неопределённости возможных конфигураций и состояний.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Большинство действующих факторов безопасности реализуют собственную логику, имеют самостоятельную динамику и развиваются по отдельным траекториям, что делает практически невозможным их иерархию и системное управление. Более того, автономные траектории продолжают продуцировать хаос и затруднять диалог.

2. Исследователи стоят перед дилеммой: либо изучать отдельные факторы, приписывая им особое значение; либо вырабатывать новые факторы для новой системы. В первом случае предстоит смириться с неясностью перспектив и конфликтной обусловленностью, имманентно присутствующей во всех фак-

нологического роста сейчас не рассматриваются как экзистенциальная угроза» (Там же. С. 75).

⁷⁰ Там же. С. 69.

торах. Во втором – столкнуться с непониманием, необходимостью тратить время на обоснование новизны, оригинальности и практической значимости.

3. Неопределённость последствий и неуправляемость должны мобилизовать для консолидации усилий и движения по второму пути, поскольку появление новой, пригодной для практики системы, овладение ею в числе первых призвано помочь утвердиться среди основателей нового мироустройства, неизбежность которого, по всей видимости, не вызывает сомнений.

4. Дальнейшее поддержание прежней системы до тех пор, пока (проанализированные и другие) факторы останутся автономными, грозит разрушением институтов безопасности, значение и роль которых в большинстве стран не подвергаются сомнению. Следовательно, эти институты являются работоспособными и теоретически должны безболезненно встроиться в новую систему.

5. Если применительно к новой системе иметь в виду исключительно многополярность, то, с учётом времени существования данного понятия (концепции), давно могли бы появиться конкретные системные предложения. Их отсутствие означает не что иное, как эрозию понятия (концепции) многополярности.

6. Шансы тактического сотрудничества применительно к обоснованию новой системы, хотя многие вопросы решить достаточно легко, если сместить акценты с популярного на очевидное (к примеру, завести речь об экологической составляющей военных технологий), не прорабатываются.

7. Без новой системы и свойственной ей рамки вписать действующие факторы безопасности в мировоззренческий поиск эволюции или создания (конструирования) общеевропейской безопасности довольно затруднительно.

ГЛАВА 3. ПУТИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В главе рассмотрены две организации (института) – ОБСЕ и ОДКБ. Развитие первой «сдерживается геополитической на-

пряжённостью между Западом и Россией»⁷¹. Развитие второй, наоборот, идёт согласно официальной позиции в плановом режиме. С учётом состояния эмпирической базы⁷² при анализе ОДКБ автор был вынужден опираться в основном на мнения официальных лиц, а не на отечественных политологов, что, впрочем, не станет препятствием в верификации выводов главы.

Преимущество ОБСЕ И.Н. Щербак видит в «развит[ом] потенциал[е] посреднических инструментов... на всех стадиях конфликтного цикла»⁷³, а стратегию выживания – в появлении «успех[ов] организации на этом важном направлении»⁷⁴, что в свою очередь может позволить ей добиться оптимального результата – превращения ОБСЕ в «центральное звено архитектуры европейской безопасности»⁷⁵.

И.Н. Щербак предлагает учитывать то обстоятельство, что «[р]енессанс ОБСЕ в качестве опоры архитектуры европейской безопасности может стать реальностью в том числе и в силу стремления западноевропейских государств использовать организацию как инструмент для обеспечения своих стратегических интересов в условиях противоборства США и Китая за влияние в мире и восстановления баланса сил с учётом национальных приоритетов государств – членов ЕС»⁷⁶.

По его мнению, нагорнокарабахский конфликт 2020 г. подтвердил наличие у западноевропейских государств такого стремления, поскольку «[с] самого начала вооружённого конфликта Евросоюз выступил за возобновление переговоров между воюющими сторонами с целью его урегулирования при содей-

⁷¹ Щербак И.Н. ОБСЕ на фоне пандемии: шансы на ренессанс // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №3. С. 29.

⁷² Количество работ, посвящённых ОДКБ и ОБСЕ, минимально. См., к примеру: Гонтарь С.М. Деятельность аппарата правительства Российской Федерации по формированию руководящих органов ОДКБ и правовые основы их деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №1. С. 6-12; Данюк Н.С., Семибратов Е.В. ОДКБ в свете современных вызовов и угроз: направления дальнейшего функционирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. №1. С. 58-70.

⁷³ Щербак И.Н. ОБСЕ на фоне пандемии... С. 30.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 31.

⁷⁶ Там же.

ствии сопредседателей Минской группы ОБСЕ»⁷⁷. Следовательно, «Евросоюз, не располагая собственными механизмами и инструментами кризисного реагирования в данном регионе, предпочитает выстраивать партнёрские отношения в этих вопросах с ведущими международными организациями, а также с Россией как наиболее влиятельной державой на Южном Кавказе»⁷⁸.

Таким образом, продвижение к оптимальному результату в развитии ОБСЕ зависит от неполной дееспособности ЕС, заинтересованности стран Евросоюза в разрешении конфликтов, в их стремлении урегулировать внутренние противоречия между западноевропейскими и восточноевропейскими странами, принятии, несмотря на «геополитическую напряжённость», неизбежного – безальтернативности сотрудничества с Россией. В этом списке не учитываются потенциальные конфликты и противоречия между другими членами ОБСЕ.

Вынужденная солидарность – ненадёжный источник сотрудничества и институционального совершенствования. От неё целесообразнее ожидать позиционных столкновений и вялотекущей работы по поддержанию статус-кво.

И.Н. Щербак, как было видно выше, прекрасно понимает особенности текущей ситуации, но считает необходимым сформулировать предложения, которые должны помочь преодолеть застой в ОБСЕ. Он предлагает:

- «активиз[ировать] переговорн[ый] процес[с] по реанимации Договора об обычных вооружённых силах и вооружениях... и модернизаци[и] Венского Документа по мерам доверия 2011 года с учётом современных реалий и взаимных озабоченностей»⁷⁹;

- «разви[вать] “структурированн[ый] диало[г]” для обсуждения мер доверия нового поколения, снижения потенциальных рисков кризисных ситуаций в результате неправомерного использования информационно-коммуникационных техноло-

⁷⁷ Щербак И.Н. Проблема Нагорного Карабаха в фокусе антикризисной дипломатии ЕС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 61.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Здесь и далее пп. 1-6 цит. по: Щербак И.Е. ОБСЕ на фоне пандемии: шансы на ренесанс... С. 30-31.

гий, а также контроля над вооружениями»;

- «создать специальную платформу под эгидой СМИД или в рамках Форума ОБСЕ по безопасности и сотрудничеству для проведения срочных консультаций в случае возникновения чрезвычайных ситуаций (пандемии типа COVID-19, стихийные бедствия, техногенные катастрофы и т.д.)»;

- «продолжить посреднические усилия ОБСЕ в рамках минского процесса и дальнейшее использование потенциала Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине»;

- заняться решением «вопроса о международной право-способности ОБСЕ и проведения соответствующих реформ организации»;

- продумать систему «постконфликтно[го] восстановле-ния[я]»⁸⁰;

- «содейств[овать] интеграционным процессам по линии ОБСЕ – ЕАЭС – ЕС»;

- «разработ[ать] нов[ую] стратеги[ю] развития ОБСЕ на период до 2030 года».

По критерию «содержание» предложения И.Н. Щербака мож-но разделить на связанные с уже работающими механизмами (пп. 2, 4); на предложения, обсуждение которых проходило, но консолидированные решения не были приняты (пп. 1, 2, 5) и на инициативы, углублённое обсуждение которых ещё лишь пред-стоит (пп. 3, 6, 7, 8). Бóльшая часть предложений И.Н. Щер-бака потребует принятия новых или изменения действующих нормативно-правовых документов (пп. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8). Таким образом, без солидной дипломатической работы не обойтись.

Пока же государства – участники ОБСЕ, по всей видимости, смирились с замораживанием процесса развития, настроились на реализацию минимально возможного, что в условиях постоян-ного (воз)действия факторов безопасности и автономности их траекторий (см. главу 2) означает медленное саморазрушение. Текущие вызовы и количество нерешённых проблем способны разбалансировать ОБСЕ. Самым печальным последствием раз-балансировки и саморазрушения станет пессимизм в отноше-

⁸⁰ Здесь и далее пп. 6-8: Щербак И.Н. ОБСЕ: время реформ // Научно-анали-тический вестник ИЕ РАН. 2020. №6. С. 57.

нии организаций, объединяющих большое число участников. В этом контексте понятны сценарии, в которых говорится о самоликвидации НАТО.

Если же суммировать сказанное 7 октября 2020 г. заместителем министра иностранных дел России А.А. Панкиным, генеральным секретарём ОДКБ С.В. Засем и начальником Объединённого штаба ОДКБ А.А. Сидоровым на круглом столе «ОДКБ: ориентиры стратегического развития», то получится следующий результат относительно состояния и задач этой организации⁸¹.

Состояние ОДКБ:

- «выработана вся необходимая нормативная правовая база», имеется «Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года»;
- «сформированы соответствующие силы и средства, в том числе Коллективные силы оперативного реагирования»;
- «налажена система координации во внешнеполитической сфере и по другим направлениям»;
- «созда[ны] условия для коллективного продвижения общих политических интересов на мировой арене».

Задачи ОДКБ:

- «разви[вать] компонент[ы] Коллективных сил ОДКБ, повыш[ать] их мобильност[ь] и готовност[ь] к выполнению задач по предназначению»;
- «формирова[ть] объединённы[е] военны[е] систем[ы] ОДКБ, и прежде всего интегрирова[ть] региональны[е] систем[ы] ПВО в единую систему ПВО ОДКБ»;
- вести «работы по нормативно-правовому оформлению вопросов материально-технического обеспечения Войск (Коллективных сил) ОДКБ и созданию запасов материальных средств»;
- обеспечить «создание многонациональных соединений»;
- «разви[вать] практическо[е] многосторонне[е] взаимодействи[е] оборонно-промышленных комплексов государств –

⁸¹ Здесь и далее цит. по: Круглый стол «ОДКБ: ориентиры стратегического развития» // Международная жизнь. 2020. №11. С. 7-15.

членов ОДКБ по совместной разработке и производству современных образцов вооружения, военной техники и другой продукции военного назначения, создание региональной сервисной сети по их ремонту и техническому обслуживанию»;

- «наращива[ть]... подразделени[я] всестороннего обеспечения, оснащения современными и совместимыми образцами вооружения, военной и специальной техники, а также совершенствования системы управления»;

- «разви[вать] авиационн[ую] компонент[у] ОДКБ (речь идёт о количественном составе, роли и месте фронтовой (оперативно-тактической) и армейской авиации)»;

- «эффektivн[ее] осуществлять мониторинг военно-политической обстановки и оценку возможных угроз в регионах коллективной безопасности»;

- «обеспеч[ить] в полном объёме ведение межгосударственного защищённого информационного обмена»;

- «сокращ[ать] сро[к] подготовки предложений по применению сил и средств системы коллективной безопасности при возникновении кризисных (чрезвычайных) ситуаций»;

- «повы[сить] эффективность управления компонентами Войск (Коллективных сил) в ходе их оперативного развёртывания и подготовки к применению»;

- «опираться на опыт... других региональных интеграционных объединений, прежде всего Шанхайской организации сотрудничества»;

- использовать коллективные силы «при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, выполнение разного рода гуманитарных задач»;

- «открыть Организаци[ю] к сотрудничеству со всеми заинтересованными и разделяющими наши принципы странами» («статусы наблюдателя и партнёра»);

- «закончить правовое оформление этих статусов во всех государствах»;

- подготовить Организацию к «миротворчеств[у] более широкого масштаба, за пределами пространства ОДКБ»⁸².

⁸² По словам С.В. Зася «созданы все необходимые предпосылки для задействи-

Таким образом, обозримое число участников теоретически должно позволить вести работу планово, комплексно и успешно, из чего можно заключить, что, несмотря на критику в адрес ОДКБ⁸³, будущее общеевропейской системы безопасности либо за компактными региональными организациями и их последующими интеграцией и сотрудничеством, либо за структурированным многовариативным (и опять же – компактным) сотрудничеством внутри больших организаций.

Выигрывает тот, кто обеспечит лучший результат, эффективное функционирование и внутреннюю сплочённость⁸⁴. Именно в данном контексте следует интерпретировать слова А.А. Панкина: «Мы знаем, как крепить нашу коллективную безопасность. Мы видим, каким может быть вклад ОДКБ в обеспечение мира и стабильности на евразийских просторах»⁸⁵.

Однако развёрнутый список официальных задач позволяет сделать и другое предположение: в течение как минимум десяти-

ования в дальнейшем Миротворческих сил Организации в соответствующих миссиях ООН» (Там же. С. 12). Об усилении законодателей по выполнению задач ОДКБ см.: Поспелов С.В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности // *Международная жизнь*. 2021. №2. С. 142-143.

⁸³ Н.С. Данюк и Е.В. Семибратов выделяют в качестве «большой проблем[ы] ОДКБ ... отсутствие стратегической цели работы» (Данюк Н.С., Семибратов Е.В. Указ. соч. С. 62); отмечают «в случае с армяно-азербайджанским конфликтом... несостоятельность ОДКБ как игрока, способс[вующего] мирному урегулированию» (Там же. С. 65); констатируют, что «задачу по частичному сохранению военного потенциала бывшей советской армии ОДКБ смог выполнить только в Центральной Азии» (Там же. С. 66), и рекомендуют «перестроить союзные отношения России и Армении в формат двустороннего союзного договора по уже существующей модели подобных соглашений с частично признанными республиками Южного Кавказа – Южной Осетией и Абхазией» (Там же. С. 67).

⁸⁴ Крайне любопытны в этом контексте классификации НАТО (компактная организация; организация с большим количеством участников или организация смешанного типа) и «взаимовыгодный» программный обмен», о котором написал Д.А. Данилов: «Америка защищает Европу от российской угрозы – Европа помогает США в борьбе с глобальными вызовами со стороны Китая» (Данилов Д.А. Саммит НАТО: глобальное будущее после «смерти мозга» // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2021. №3. С. 7-14). Многопрофильная система партн`рства НАТО может стать альтернативой (Там же. С. 12-13).

⁸⁵ Там же. С. 10.

ти лет ОДКБ будет занята вопросами внутреннего развития.

Впрочем, дальнейшее развитие ОДКБ, как опять же следует из сказанного официальными лицами, должно проходить не только через углубление сотрудничества внутри организации, но и через налаживание контактов с дружественными объединениями, организациями, странами, то есть через расширение направлений взаимодействия (см. выше о миротворчестве «более широкого масштаба»).

В последнем случае ОДКБ выдвигает претензию на транслирование определённой институциональной модели, что, с одной стороны, может трактоваться другими акторами европейского пространства как вызов, желание развернуть конкуренцию институциональных моделей⁸⁶; с другой – поставит ОДКБ,

⁸⁶ В 2017 г. бывший министр обороны Республики Армения, генерал-лейтенант В.В. Арутюнян писал по поводу влияния модели ОДКБ: «создаваемая система коллективной безопасности ОДКБ во взаимодействии с международными организациями и другими региональными структурами безопасности может стать эффективным фактором стабильности и безопасности как в Евроазиатском регионе, так и в мире в целом... она в перспективе может стать решающим связывающим звеном многоуровневой глобальной системы безопасности между Западом и Востоком, Севером и Югом, когда национальная и региональная система безопасности, решая присущие ей задачи, одновременно будет содействовать достижению международного сотрудничества и безопасности в XXI веке» (Арутюнян В.В. Основные направления обеспечения военной безопасности государств-членов ОДКБ // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. (Т. 1: Западный фланг СНГ. Центральная Азия) / отв. ред. А.Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 21). См. также выводы А.И. Никитина, косвенно обосновывающие конкуренцию. Вывод 1: «Если прямое сотрудничество ЕС – Россия тормозится, возможно, целесообразно искать пути развития контактов по линиям региональных организаций ОДКБ – ЕС (а также ШОС – ЕС) для налаживания обмена опытом в сфере кризисного урегулирования, в том числе совместного подключения ЕС и ОДКБ к реализации миротворческих миссий под эгидой ООН» (Никитин А.И. Указ. соч. С. 58). Вывод 2: «Проецируя наметившиеся тенденции военно-политической и военно-технической интеграции в Европе на предстоящее третье десятилетие XXI века, можно констатировать, что образования единого “пространства безопасности” от Лиссабона до Урала (а тем более от Ванкувера до Владивостока) не произошло и, видимо, не произойдёт. Связка “западных” структур безопасности (НАТО–ЕС) остаётся достаточно прочной, их взаимодействие с “восточными” структурами безопасности, такими как ОДКБ и ШОС, без кардинальной смены общеполитической атмосферы на Евразийском континенте сможет развиваться лишь с минимального до незначительного уровня» (Там же. С. 69).

в случае форсирования любых форматов расширения, перед неясными последствиями дополнительных вызовов. Поэтому наверняка будет выбран путь управляемого открытия, зависящий от внутренних успехов.

Исходя из вышеизложенного приходится констатировать:

- наличие двух типов и путей развития организаций; первый путь – поддержание статус-кво и опасность структурной разбалансировки в организациях с большим количеством участников; второй путь – создание компактных работоспособных организаций, находящихся в конкуренции друг с другом, или допуск многовариантности (компактной многовариантности) в крупных организациях⁸⁷;
- высокие шансы, если не изменятся подходы к управлению общеевропейской безопасностью, на доминирование второго пути, сопровождаемое снижением ценности и привлекательности унифицированного сотрудничества в больших организациях, ростом автономности и самодостаточности малых (компактных) организаций и/или форматов (об этом можно

⁸⁷ Стал ли этот путь ответом на то, о чём в 2014 г. написал А.В. Загорский? «Во многом в силу собственного выбора Россия осталась в стороне от масштабного и ещё не исчерпавшего себя окончательно процесса *расширения евро-атлантического сообщества государств*. Сегодня 35 из 51 расположенного в Европе и Северной Америке государства-участника ОБСЕ... являются членами либо ЕС, либо НАТО, либо обеих организаций одновременно» (Загорский А.В. Дискуссия о будущем европейской безопасности: промежуточные итоги // Ежегодник СИПРИ-2013: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 648). Компенсация «за счёт *выстраивания механизмов прямого диалога и сотрудничества России с ЕС и НАТО*», по его мнению, «вряд ли можно назвать успешными» (Там же). См. также вывод В.И. Владимиров 2016 г.: «для России и её союзников настало время договариваться о новых, более чётких правилах игры, т.е. об общих согласованных принципах, на которых можно строить отношения как между членами СНГ, так и с организациями и государствами, не входящими в этот союз. В противном случае отсутствие чётко обозначенных интересов на постсоветском пространстве и несогласованность действий России с её партнёрами могут повлечь дезинтеграцию СНГ, ОДКБ и новые конфликты... следует продолжать военно-техническое и военно-политическое сотрудничество с постсоветскими странами» (Владимиров В.И. Глава 12. Противоречия и сотрудничество государств на постсоветском пространстве // Безопасность и контроль над вооружениями: 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М., 2016. С. 191).

судить и на примере размышлений об углублённом сотрудничестве в формате небольших групп в НАТО);

- реальность появления архитектуры общеевропейской безопасности на основе региональных организаций с ограниченными компетенциями и обозримым числом участников.

В то же время дискуссионными остаются следующие вопросы:

- как должно происходить сотрудничество между региональными организациями;

- какую роль в итоге сыграет ограничение многосторонности;

- насколько совместимы пути развития различных организаций в отдельных регионах и мире;

- будет ли выделен общеевропейский регион безопасности;

- будет ли управляемой новая архитектура безопасности;

- не придётся ли искать новые критерии управляемости и средства управления;

- какие из имеющихся факторов сохраняют свою автономность, а какие станут системно-зависимыми;

- какие новые факторы в этом случае (с)могут возникнуть;

- можно ли будет говорить об общеевропейской системе безопасности или придётся отказаться от этого понятия.

Важно не забывать, что время, отводимое на внутреннее развитие организаций и форматов, можно использовать и для совместной разработки системы общеевропейской безопасности, учитывающей имеющиеся тенденции и желаемую перспективу (см. главы 1 и 6).

ГЛАВА 4. «ЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛОГИ»

Многообразие «европейских диалогов» не исчерпывается приведёнными ниже⁸⁸. В главе речь идёт о некоторых примерах

⁸⁸ См. также: Синдеев А.А. Указ. соч. С. 61-73.

сплочения, возникших и возникающих противоречиях и моделях диалогов. Диалоговый ракурс позволяет лучше проанализировать природу отношений и их настройку (см., к примеру, ниже тезисы коллег о Великобритании), что в более формализованном подходе с исключительным акцентом на категорию «отношения», как правило, выпадает из поля зрения.

Более того, в периоды трансформаций, когда жизненно необходимо увеличивать масштабы коммуникаций, оптимальная формула отношений включает в себя субстанцию (предмет и содержание диалога) и универсальную модель диалога, основанную на равенстве и предсказуемости поведения⁸⁹. Без этого не возникнет доверие и не будет углубляться субстанция. Модель создаёт и поддерживает содержательную рамку, определяет настрой партнёров, утверждает иерархию, конкретные роли и формы общения, поведения и политики, а также составляет значительную часть двусторонних отношений.

Полимодельность (разные модели диалога для разных партнёров у одного и того же государства или интеграционного объединения) усиливает недоверие и чувство неравенства, затрудняет контроль и управление «диалогами».

«Европейские диалоги» понимаются географически (как диалоги в большом и малом европейском пространстве и в геополитическом пространстве); содержательно (как диалоги о сути, проблемах, трудностях, вариантах сотрудничества), организационно (как институционализированные и неинституционализированные) и концептуально (как имеющие место и перспективные диалоги, способствующие развитию определённых моделей).

В главе рассмотрены диалоги, в которых не участвует наша страна. Это обуславливается исключительно необходимостью дальнейшего самостоятельного научного исследования подходов отечественных политологов к российской внешней политике и участию нашей страны в «европейских диалогах»⁹⁰.

⁸⁹ О столкновении трендов см.: Бляхер Л.Е. Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика // Международная аналитика. 2021. №1. С. 27-29.

⁹⁰ России нужно учитывать и комбинировать другие геополитические «диалоги». См., к примеру: Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь» // Современная Европа. 2020. №5. С. 33-45; Носов М.Г.

В главе выделены два направления диалогов.

Первое касается Евросоюза или отдельных стран ЕС с государствами, не входящими в это интеграционное объединение. Сюда следует отнести диалоги с Великобританией, западно-балканскими странами, Турцией, арабскими и африканскими странами, то есть речь идёт о диалогах в большом европейском пространстве и в европейском геополитическом пространстве.

Второе раскрывает суть контактов между странами ЕС в малом европейском пространстве.

Применительно к Великобритании А.А. Алёшин полагает, что «[с] выходом... из ЕС были запущены процессы эрозии евро-атлантического комплекса безопасности»⁹¹. Причины он усматривает «не только [в] Брекзит[е], но и [в] изменени[и] международной экономической и политической расстановки сил»⁹².

Сам выход Великобритании из Евросоюза А.А. Алёшин интерпретирует в контексте процессов «усиления полицентричности в европейском субкомплексе евро-атлантического пространства безопасности, усиления конкуренции между ЕС, Парижем и Лондоном, а также дрейфа евро-атлантического комплекса безопасности в сторону биполярности с центрами в НАТО и ЕС»⁹³.

ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь»: предварительные итоги // Современная Европа. 2020. №6. С. 15-28. «Декларации об участии России в китайском проекте ОПОП не могут компенсировать потери от резкого ухудшения наших отношений с Европой и США. В отличие от Китая, который, несмотря на противоречия с Западом, сохраняет огромные объёмы связей с ЕС и США, наши политические и экономические контакты с Западом находятся в состоянии глубокой стагнации. Складывающаяся ситуация крайне опасна как для глобального позиционирования России, так и для российской экономики, лишённой научно-технического сотрудничества с Западом» (Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь»... С. 45). См. также позицию В.П. Фёдорова о сути будущего диалога: «больше не должно быть никаких односторонних уступок, а следовательно, никакой ностальгии по недавнему “прекрасному” прошлому, когда под видом примирения Запад шёл к достижению своей неизменной цели – потеснить Россию, превратить её в младшего партнёра. Россия, естественно, не хочет исполнять эту роль, а Запад не может навязать её» (Фёдоров В.П. Актуальные уроки: против односторонних уступок // Европейская аналитика 2017... С. 23).

⁹¹ Алёшин А.А. Сотрудничество Великобритании и Европейского союза по вопросам безопасности и обороны после Брекзита // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 293.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

Позицию официального Лондона А.А. Алёшин считает, по всей видимости, не до конца сформированной, поскольку, с одной стороны, он подчёркивает «желание... в максимальной степени сохранить влияние на ОВПБ и ОПБО»⁹⁴; с другой – указывает на то, что «британцы смогут чаще склонять национальные политические элиты ЕС к конкретным решениям..., используя ресурс “особых отношений” с рядом стран Восточной и Юго-Восточной Европы, а также “российскую угрозу”», а «[в] области безопасности и обороны Великобритании сможет продолжить активное участие в механизмах и миссиях ЕС, хоть и в ограниченном формате»⁹⁵.

К.А. Годованюк определяет цель Великобритании не столь конкретно, что на этапе настройки британской политики представляется нам более правильным: «Соединённое Королевство, – констатирует она, – стремится... приобрести политический капитал от поддержки европейских союзников по тем вопросам, которые представляют взаимный интерес (например, противодействие радикальному исламу)»⁹⁶. Одновременно с

⁹⁴ Там же. С. 289.

⁹⁵ Там же. С. 294.

⁹⁶ Годованюк К.А. Британо-турецкие отношения в свете брекзита // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 28. Ср. с выводами Д.В. Шихова: «2000–2010-е годы стали для британских вооружённых сил временем достаточно серьёзных испытаний: затяжные и малоэффективные кампании в Ираке и Афганистане, масштабные сокращения военных расходов и численности вооружённых сил в условиях растущих требований к их гибкости и мобильности не лучшим образом отразились на их состоянии... Выход из Евросоюза оказывает существенное влияние на внутреннее и внешнее положение страны и требует новых стратегических подходов и решений в сфере обороны и безопасности с учётом изменившихся геополитических реалий. В условиях экономической нестабильности серьёзными вызовами останутся в ближайшие годы недопущение дальнейших сокращений финансирования и численности вооружённых сил. Значение НАТО и других многосторонних и двусторонних форматов оборонного сотрудничества ещё более возрастает, а поддерживать статус одного из ведущих игроков в системе международной безопасности Великобритании становится всё сложнее. В этих условиях многое будет зависеть от того, хватит ли у действующего кабинета политической воли и ресурсов для воплощения амбициозных планов по усилению глобальной роли Соединённого Королевства и укреплению его военного потенциала» (Шихов Д.В. Британия после Брексита: особенности военно-политической стратегии // МЭиМО. 2021. №2. С. 37–44. URL: <https://ras.jes.su/meimo/s013122270013799-9-1> (дата обращения 17.05.2021)).

этим, по её мнению, «Брекзит открывает перед Соединённым Королевством возможности строить собственную международную повестку без строгой привязки к принципу европейской солидарности»⁹⁷.

От британского правительства, как показало его посредничество в создании АУКУС, можно ожидать любопытных инициатив и траекторий. Для стран Евросоюза такой дуалистичный настрой сохраняет за британцами позиции союзника и партнёра, но в то же время утверждает их в роли самостоятельного и не всегда предсказуемого актора, а в некотором роде – конкурента, с которым предстоит постоянно считаться, и при необходимости – согласовывать собственные предложения и подходы. Несомненно, это заставит ЕС стать ещё более сдержанным в прогнозировании результатов сотрудничества с Лондоном и не забывать про возможность отказа, выхода и/или изменения Великобританией проектов, инициатив и траекторий.

Тем более Лондон пытается расширить политическое пространство действия. «Продвижение в ИТР, – пишет К.А. Годованюк об Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) во внешней политике Великобритании и сложности однозначно определить роль страны, – необходимое условие для сохранения за Соединённым Королевством роли значимого международного игрока и союзника Белого дома, учитывая тот факт, что [американцы] активно продвига[ют] концепцию Индо-Пацифики как инструмент регионального влияния... Главной задачей Британии в Индо-Пацифике остаётся торговля, в том числе и перспективные сделки по продаже оружия... Лондон заинтересован задействовать ИТР как площадку для международного сотрудничества в области морской безопасности. Британия отводит для себя особую роль в противодействии терроризму, морскому пиратству и защите подводных коммуникационных кабелей в западной части Индийского океана, что поможет “продвинуть устойчивое и инклюзивное развитие всего региона”»⁹⁸.

Особая роль Великобритании вновь строится исключительно

⁹⁷ Годованюк К.А. Британо-турецкие отношения в свете брексита... С. 29.

⁹⁸ Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. №1. С. 41, 43.

но на выгоде и национальных интересах, в её политике преследуется цель максимально возможного усиления собственных внешнеполитических позиций.

Из-за «концептуальны[х] расхождени[й]... относительно роли Вашингтона в развитии... связей и уровня автономии будущей системы европейской обороны»; особого внимания ЕС к «проблемам... поддерж[ани]я социальн[ой] сфер[ы] и все[го] то[го], что связано с улучшением жизни граждан»; из-за пандемии («[в] свете пандемии меняются представления о том, что действительно угрожает будущему человечества, каковы реальные, а не мнимые риски для жизни людей, а также о том, насколько совершенны механизмы и инструменты, позволяющие находить ответы на эти вызовы»⁹⁹), Т.В. Зверева и Т.А. Закаурцева не ожидают какого-либо «рыв[ка] в развитии военно-политического сотрудничества Франции и Великобритании», поскольку и сам «Париж продолжит постепенно продвигать идею превращения ЕС во влиятельного геополитического “игрока” на международной арене и после кризиса возобновит свои попытки в той или иной форме встроить в этот процесс британский военный потенциал»¹⁰⁰.

В теперешней ситуации «диалоги» ЕС с Лондоном – это диалоги с неясными перспективами. Они характеризуются комплексной неопределённостью. Евросоюз может пока лишь повторять формулу важности сохранения единства стран-участниц и строгого соблюдения сторонами взятых ими на себя обязательств, что практически никак не повлияет на формирующийся британский вызов. Ни о какой единой модели диалога ЕС и Великобритании речь пока не идёт.

Применительно к западнобалканским странам П.Е. Кандель отмечает следующие «успехи» и итоги политики Евросоюза:

- «Македонию смогли принудить к уступкам в давнем споре с Грецией о названии страны... решающую роль в этом сыграли США, но на такую деталь в Брюсселе... сочли воз-

⁹⁹ Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипакадемии. 2021. №1. С. 64, 66.

¹⁰⁰ Там же. С. 66.

можным не обращать внимания»¹⁰¹;

- «Брюсселю, Берлину и Парижу пришлось убедиться...: их подход решительно разошёлся с американским и в характере реагирования на демонстративный отказ властей Косово считаться с пожеланиями своих покровителей и доноров, и в продвигаемых вариантах урегулирования отношений Косово и Сербии»¹⁰²;

- «неспособность Европейского Совета 15 октября 2019 года принять давно обещанное и с нетерпением ожидавшееся решение о начале предвступительных переговоров с Северной Македонией и Албанией» объясняется «вето французского президента Э. Макрона, поддержанного Нидерландами и Данией»¹⁰³. В результате, по мнению П.Е. Канделя, «[т]ема расширения обречена стать постоянной в повестке дня Евросоюза, а переговорный процесс будет интенсифицирован, по крайней мере, за счёт существенного умножения многочисленных совместных мероприятий и насыщенного двустороннего бумагооборота»¹⁰⁴.

П.Е. Кандель считает, что «Брюссель намерен взять своих западнобалканских подопечных “на короткий поводок”, неотступно контролируя каждый их шаг и предотвратив тем самым усиление в регионе геополитических соперников, к которым относятся Россия, Китай, Турция, а в последнее время негласно и США»¹⁰⁵.

¹⁰¹ Кандель П.Е. Балканские дилеммы ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 123.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 124 («[с]толкнувшись с массивированной критикой и почувствовав себя изолированно, Париж к очередной встрече Совета министров по общим и европейским вопросам ЕС (17-18 ноября 2019 года) подготовил свои предложения по реформированию переговорного процесса с кандидатами в Евросоюз». Там же. С. 125).

¹⁰⁴ Там же. С. 129.

¹⁰⁵ Там же. Ср. с тезисами и выводами В.Б. Кириллова, И.С. Путинцева, И.В. Андроновой, М. Миновскай Н.В. Дюжевой (Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Балканы в 2010-е гг.: гомогенизация региона под влиянием Запада и роль России // Современная Европа. 2020. №1. С. 59-68; Андропова И.В., Миновска М., Дюжева Н.В. Влияние Соглашения стабилизации и ассоциации на развитие внешней торговли Северной Македонии с ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 78-89).

Очевидно, что «диалоги» с западнобалканскими странами, не входящими в ЕС, – неравноправные, благодаря чему довольно сложно спрогнозировать реальную способность Евросоюза и стран – лидеров интеграционного объединения успешно контролировать своих «подопечных» в регионе, а также степень акцептирования свободы «подопечных».

Что касается Турции, то А.И. Шумилин выделяет умеренность ЕС в сотрудничестве с трудным партнёром, занимающимся «[н]аращивани[ем] методов “жёсткой силы” во внешней политике»¹⁰⁶ и делающим среди прочего ставку на «политический ислам в стиле “Братьев-мусульман”», который «не противоречит основам идеологии турецкого национализма... и становится... удобным инструментом властей не только во внутренней, но и во внешней политике»¹⁰⁷.

Т.-Р. Эрдоган, с точки зрения А.И. Шумилина, занят укреплением влияния, используя при этом возможности, открывшиеся самозанятостью Европейского союза и его зависимостью от Турции в миграционном вопросе. «[С]тавка на наращивание компонента “жёсткой силы” во внешней политике Турции, – полагает А.И. Шумилин, – скорее всего, не означает готовности [турецкого] руководства максимально дистанцироваться от ЕС или США... Будучи вовлечённой в региональные конфликты, Анкара старается не пересекать “красные линии”, дабы не наращивать противоречия, в частности, с ЕС»¹⁰⁸.

Два из таких противоречий А.И. Шумилин приводит в качестве примера.

1. Курдский вопрос: «постепенно курдские группировки [в Сирии], – замечает он, – стали рассматриваться в Вашингтоне и Брюсселе как главный партнёр глобальной коалиции по борьбе с запрещённой в России ИГ и основное наземное боевое формирование против террористов»¹⁰⁹. Анкара, как известно, категорически возражала против такого подхода.

¹⁰⁶ Шумилин А.И. Евросоюз–Турция: конфликтное партнерство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 11.

¹⁰⁷ Там же. С. 10.

¹⁰⁸ Там же. С. 13.

¹⁰⁹ Там же. С. 11.

2. «[О]стаются, – пишет А.И. Шумилин, – расхождения между Анкарой и Брюсселем по юридическому статусу некоторых прибрежных экономических зон в Восточном Средиземноморье. А в политико-эмоциональном плане между президентами Эрдоганом и Макроном, поскольку противостояние между Парижем и Анкарой всё более выглядит как противоборство двух лидеров этих стран»¹¹⁰.

Получается, что Турция, как и Великобритания, не является в привычном смысле ни партнёром, ни противником. В утверждении приемлемой модели «европейского диалога» отличие Турции от Великобритании состоит в меньших возможностях влияния и в большей экономической зависимости от Евросоюза, что, согласимся с А.И. Шумилиным, не в состоянии помешать турецкой самостоятельности и ситуационному дистанци-

¹¹⁰ Там же. С. 13. Ср. с выводами Е.С. Алексеенковой о сложностях и противоречиях, с которыми столкнулась Италия: «Эскалация конфликтов в Восточном Средиземноморье и формирование враждующих коалиций государств, пользующихся поддержкой нерегиональных игроков, может поставить под удар экономические интересы Италии в регионе. Будучи исторически державой, специализирующейся на морской торговле, географически находясь на перекрёстке торговых путей между Европой, Ближним Востоком и Африкой и искусно лавируя в водах “*mare nostrum*”, в сегодняшних условиях Италия оказалась практически лишена манёвра. И это в ситуации, когда страна нуждается в максимальном расширении экономических связей и использовании любых возникающих возможностей на фоне экономического кризиса, спровоцированного пандемией COVID-19... Текущая эскалация напряжённости в отношениях ЕС с Турцией рискует лишить Италию возможности реализовать планы развития экономических отношений с Анкарой, которые распространяются не только на двусторонние отношения, но и на формирование экономических коридоров в Африке... Позиции Италии в Восточном Средиземноморье в условиях новой эскалации региональных конфликтов нельзя назвать прочными. Будучи не готова проявлять жёсткость и вовлекаться в конфликты “на земле”, Италия уступает как другим странам ЕС (Франции, например), так и игрокам вне Евросоюза (Турции, России) в урегулировании ключевых конфликтов. Стремление Рима избежать открытой поддержки одной из воюющих сторон объясняется приоритетом установки на экономическое сотрудничество над геополитическим подходом. Однако такая тактика одновременно является и фактором, сужающим экономические возможности. Кредо действующей правительственной коалиции – следовать принципам европейской солидарности – может существенно ограничить развитие итало-турецких связей, как это уже случилось в отношениях Италии с Россией и КНР» (Алексеенкова Е.С. Италия в Восточном Средиземноморье: между экономикой и политикой // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 71-72, 74).

рованию от ЕС¹¹¹.

Любопытную модель диалога на примере контактов с арабскими странами выявил В.И. Бартенев. По его мнению, «[е]щё в 2000-е годы чётко обозначились две группы доноров, демонстрировавшие совершенно разные стратегии поведения. Страны, обладающие выходом к Средиземному морю, проявляли заметно больший интерес к взаимодействию с арабскими государствами, концентрировались на оказании помощи Северной Африке, предоставляя помощь развитию, преимущественно в экономических секторах. Другие страны, напротив, не имея изначально таких крепких связей с регионом, фокусировались на Ближнем Востоке, предоставлении гуманитарной помощи, а также содействию повышению качества управления, развитию гражданского общества. “Арабская весна” не только не устранила эти различия, но сделала их более явными»¹¹².

В данной модели унификация, системность и результативность могли бы поддерживаться через согласованное разделение ответственности и направлений. Реальное разделение В.И. Бартенев конкретизирует следующим образом: «Франция, Италия и Испания... традиционно активнее других европейских доноров развивали торгово-экономическое сотрудничество с арабскими странами и более всего зависели от них в плане импорта энергоносителей, принимали большую часть мигрантов, направлявшихся в Европу либо из этих стран, либо транзитом через них... Особняком вновь стоит лишь ФРГ, которая треть помощи направляет в страны Северной Африки, традиционно считавшейся зоной преобладающего влияния Франции и не относившейся прежде к числу приоритетных для ФРГ направлений. Германия наращивала присутствие в Египте, Тунисе и Марокко, помощь которым выросла в разы, в странах Машрика, затронутых вооружёнными конфликтами или их трансграничными последствиями. Именно Германия заняла те ниши, которые образовались в результате сокращения или недостаточного – на

¹¹¹ См. также: Аватков В.А., Якимова Д.А. Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса // Современная Европа. 2020. №2. С. 51-60.

¹¹² Бартенев В.И. Европейские доноры в арабском мире: перераспределение ресурсов и ролей // Современная Европа. 2020. №6. С. 87.

фоне роста потребностей – увеличения объёмов помощи со стороны Франции, Испании и Италии, что вызывало болезненную реакцию в Париже»¹¹³.

Из этого следует вывод об особой роли Германии и готовности Берлина жертвовать собственной выгодой и выступать в роли медиатора. Однако, с точки зрения В.И. Бартенева, «на практике Франция, Германия и Британия конкурируют друг с другом не менее активно, чем с неевропейскими акторами. Новые вызовы – дестабилизация обстановки в странах, в наименьшей степени затронутых “Арабской весной” (Алжир, Судан, Ливан, Ирак), эскалация напряжённости в Восточном Средиземноморье, взрыв в порту Бейрута в августе 2020 года, не говоря уже о последствиях пандемии COVID-19, могут усилить эту конкуренцию»¹¹⁴. Получается, что потенциал, заложенный в модели,

¹¹³ Там же. С. 78-79, 87.

¹¹⁴ Там же. С. 87-88. Об изменениях управлением политикой развития в Великобритании см. у К.А. Годованюк: «Роспуск Департамента международного развития – свидетельство победы фракции жёстких брекзитёров в Консервативной партии, которые на протяжении длительного времени призывали к тому, чтобы бюджеты на международную помощь распределялись в соответствии с внешнеполитическими задачами. Ранее независимый DFID мог самостоятельно рекомендовать правительству программы. В марте 2019 г. Б. Джонсон (в то время глава внешнеполитического ведомства) и Прити Пател (руководитель DFID с 2016 по 2017 гг.) выступили с идеей, что бюджеты, предусмотренные для международной помощи, необходимо задействовать для развития самой Британии после брекзита. Экс-министр международной торговли Л. Фокс призывал как можно быстрее “разделаться со священной короной” (Департамент международного развития – К.Г.). Часть политического истеблишмента открыто лоббировала такое предложение, главным идеологом которого считали Д. Каммингса (жёсткого евроскептика, советника премьер-министра)... Правительство подчёркивает, что цель реформы – не снижение расходов на содействие международному развитию (обязательное требование в 0,7% ВВП останется в силе), а планы перераспределить бюджеты, исходя из переоценки приоритетов. Речь идёт о том, что финансирование главным образом будет направлено на поддержку экономического роста и предотвращение конфликтов (сотрудничество в сфере безопасности), а не на сокращение бедности... Реформа МИД Великобритании и порядка его финансирования обусловлена структурными изменениями в области внешнеполитического планирования, вызванными брекзитом. Форин-Офис будет функционально доминировать в вопросах международной помощи. Слияние Департамента международного развития с внешнеполитическим ведомством, вероятно, не последняя реформа сектора государственного управления. Правительственное решение имеет и практический характер – оптимизация расходов (в

не используется. «Диалоги» выстраиваются на основе прежнего полимодельного подхода.

Ситуацию, по всей видимости, призвана скорректировать новая африканская стратегия ЕС, анализируя которую Л.С. Биссон обращает внимание на то, что «Европейский союз продемонстрировал... солидарность... с африканским континентом, выделив [3,25 млрд евро] на помощь... в связи с пандемией»¹¹⁵; согласовал пять партнёрств («Партнёрство в интересах “зелёного” перехода и доступа к энергии. Партнёрство в интересах цифрового преобразования. Партнёрство в интересах устойчивого роста и создания рабочих мест. Партнёрство в интересах мира и управления. Партнёрство по вопросам миграции и мобильности»); стремится «превратить многочисленные торговые соглашения между Евросоюзом и странами Африки в долгосрочной перспективе в единое соглашение о свободной торговле между континентами»¹¹⁶, что предполагает «расширени[е] инвестиций и социально-экономическо[го] измерени[я] сотрудничества (создание новых рабочих мест, образовательные проекты), а также усил[ение] и финансово[е] подкреп[ление] заинтересованност[и] в развитии инфраструктурных сетей, способствующих региональной интеграции»¹¹⁷.

Новизна «в подходе ЕС к отношениям с африканскими партнёрами» заключается в том, что «в ближайшие пять лет ЕС планирует создать до 10 млн рабочих мест в Африке, ... особое внимание уделяя трудоустройству молодёжи, а также привлеч[ению] более 100 тыс. африканских студентов к участию в

том числе кадрового состава) на фоне замедления темпов экономического развития вследствие выхода из ЕС и пандемии COVID-19. С другой стороны, передача дипломатическому корпусу функций по управлению программами помощи может снизить их эффективность. Опыт ведущих международных доноров (США, Германии) подтверждает актуальность институционального разделения разработки и управления программами развития» (Годованюк К.А. Содействие международному развитию на службе «Глобальной Британии» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №4. С. 103-105).

¹¹⁵ Биссон Л.С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнёрства // Современная Европа. 2020. №3. С. 40. Ср.: Потемкина О.Ю. «Новое партнёрство» Комиссии ЕС – «амбициозный план» с неясными перспективами // Европейская аналитика 2017... С. 71-79.

¹¹⁶ Там же. С. 44.

¹¹⁷ Там же. С. 48.

программе “Эразмус+” и 700 тыс. различных специалистов – в программы повышения квалификации»¹¹⁸.

Несмотря на перспективы африканской стратегии у Евросоюза и его отдельных государств-членов отсутствует единая модель диалога со странами, не входящими в ЕС. Наличие такой модели существенно увеличивало бы равенство и управляемость в отношениях, развивало бы их системный характер и стратегическую направленность¹¹⁹, гарантировало бы предсказуемость инициатив, проектов и направлений сотрудничества, верифицируемость получаемых результатов. Отсутствие единой модели превращает отношения в лоскутные.

Прав А.И. Шумилин, написавший следующее: «Вместо скоординированного между всеми странами ЕС подхода к их соседям в сфере экономики и строительства демократических систем руководство Евросоюза вынуждено обращаться в первую очередь к решению проблем собственной безопасности, отражению множасьих угроз, порождаемых в странах Средиземноморского и Восточного партнёрств. В некоторых случаях позиции расходятся даже среди ведущих стран ЕС. Например, в Ливии Франция и Италия склонны поддерживать различные стороны конфликта, а после взрыва в Ливане Париж выстраивает собственную политику, нацеленную на усиление французского присутствия в регионе. В отношении кризиса вокруг Белоруссии обозначилась особая линия поведения руководства Польши и Литвы»¹²⁰.

Отсутствие унифицированной модели диалога со странами, не входящими в ЕС, создаёт эффект обратного (воз)действия, выражающийся в полимодельности «диалогов» внутри самого Европейского союза и дополнительных сложностях в выработ-

¹¹⁸ Там же. С. 43.

¹¹⁹ О влиянии ограниченности / перераспределения ресурсов на политику в сфере безопасности см. у А.И. Никитина: «Евросоюз будет скорее всего не расширять, а ограничивать свои военные миссии на других континентах, учитывая новые факторы (волны беженцев из конфликтных регионов Африки и Азии, последствия пандемии и связанного с ней экономического кризиса и др.)» (Никитин А.И. Указ. соч. С. 69).

¹²⁰ Шумилин А.И. Европейская политика соседства: время потрясений // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №4. С. 92.

ке компромиссов¹²¹.

Касательно отношений Польши и Венгрии Л.Н. Шишелина, к примеру, отмечает «небывалую сплочённость поляков и венгров, которая позволяет им формировать внушительную оппозицию планам Брюсселя по созданию, идеально функционирующего не только экономически, но и политически механизма»¹²², а Вишеградская группа, куда входят обе страны, продемонстрировала, по мнению Л.Н. Шишелиной, «наилучшие шансы на выживаемость в центре Европы»¹²³.

И хотя, размышляет Л.Н. Шишелина, «[г]осударства Центральной Европы вынуждены идти на компромиссы, чтобы не потерять лицо, а западноевропейцы по умолчанию не готовы отталкивать от себя Польшу и Венгрию, за которые они так долго боролись»¹²⁴, самостоятельность Польши и Венгрии по ряду вопросов служит «[д]ля Брюсселя... напоминание[м] о специфике центральноевропейских стран, которую до сих пор он предпочитал учитывать лишь в экономических категориях... Для Европы в целом это ещё одно доказательство необходимости реформирования политических “скреп” сообщества в пользу “Европы государств” с большими свободами для национальных парламентов»¹²⁵.

Ф.О. Трунов, наоборот, полагает, что «ФРГ существенно “подтяну[ла]” значительное число государств – партнёров по ЕС и НАТО из числа северо-, восточно- (включая страны Балтии), центрально- и южноевропейских партнёров к уровням взаимо-

¹²¹ См. вывод О.В. Буториной о конкурирующих режимах, который в контексте главы 4 можно воспринимать в качестве дополнительной причины появления унифицированной модели: «С выбытием Великобритании ЕС утрачивает монополию на истину. В Европе возникает два конкурирующих режима, ни один из которых нельзя более представить маргинальным или устаревшим на том основании, что он недостаточно демократичен или не отвечает принципам свободного рынка» (Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. №2. С. 30).

¹²² Шишелина Л.Н. Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем // Современная Европа. 2020. №7. С. 6.

¹²³ Шишелина Л.Н. Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 года // Современная Европа. 2020. №5. С. 96.

¹²⁴ Шишелина Л.Н. Будапешт и Варшава... С. 14.

¹²⁵ Там же.

доверия и масштабам сотрудничества, существующим с традиционными союзниками (Франция, Нидерланды) в области совместного усиления военных потенциалов»¹²⁶. Германия, с его точки зрения, «создаёт фундамент для укрепления своего лидерства, преодолевая вновь возникающие препятствия на этом пути на глобальном, региональном (Евро-Атлантическое сообщество) и страновом уровнях»¹²⁷.

Франко-германский тандем имеет для Ф.О. Трунова «чётко просматриваемы[е] предел[ы] сотрудничества... в военной области... ключевая причина тому – сохраняющиеся и не всегда обоснованные лидерские амбиции Франции, не готовой признать роль ФРГ как “старшего партнёра” даже в мягкой форме»¹²⁸, поэтому, считает Ф.О. Трунов, «Нидерланды уместно рассматривать в качестве наиболее близкого союзника ФРГ в рамках НАТО и ЕС»¹²⁹.

¹²⁶ Трунов Ф.О. Сотрудничество ФРГ с партнёрами по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо- и центральноевропейское измерения // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 195.

¹²⁷ Там же. С. 195-196.

¹²⁸ Трунов Ф.О. Основные векторы сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 219. Ср. с выводом В.Н. Чернеги: «у инициатив Э. Макрона, направленных на строительство “европейской обороны”, и его идеи “европейской армии” есть большая поддержка в собственной стране и менее значительная, но реальная поддержка – в Германии. Эти идеи пользуются определённой популярностью и в ряде других западноевропейских стран, что позволяет Э. Макрону и дальше претендовать на роль лидера процесса и одновременно опираться на франко-германский тандем» (Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 131). В.П. Фёдоров также придерживался другого мнения: «Евросоюз, – полагал он, – долговременный субъект в международной политике. Его основной несущей конструкцией служит Германия, на которую опять работает Европа, естественно, в других условиях» (Фёдоров В.П. Рента для Германии, или зачем ей нужен Евросоюз // Современная Европа. 2021. №1. С. 18).

¹²⁹ Там же. Ср. с выводом Л.А. Романовой: «Париж будет и в дальнейшем стремиться играть роль лидера ЕС, согласовывая с Берлином свои основные внешнеполитические инициативы. Но вероятность реализации европейских инициатив в сфере внешней политики надо рассматривать с учётом полной военно-политической зависимости Европы от Соединённых Штатов Америки» (Романова Л.А. Франция и новые вызовы европейской интеграции // Обозреватель – Observer. 2019. №5. С. 38).

С этим едва ли согласен Ю.И. Надточей, поскольку для него «Бенилюкс уже в силу своего статуса малых стран с низким уровнем военных расходов, высоким государственным долгом (как в случае с Бельгией) и значительной социальной нагрузкой на бюджеты укрепляет сотрудничество со своими главными атлантическими союзниками – США и Великобританией»¹³⁰.

Географическая близость к «крупны[м] и влиятельны[м] континентальны[м] держава[м] (Франци[и], ФРГ)», конкретизирует Ю.И. Надточей, заставляет страны Бенилюкс «сохранять баланс между [Францией и ФРГ] и англосаксонскими, а также некоторыми скандинавскими странами (Данией и Норвегией), которые выступают за укрепление трансатлантических связей»¹³¹.

Длительное «сотрудничество стран Бенилюкса в рамках оборонного кластера в целом доказало свою эффективность и зрелость. Оно позволило, – делает вывод Ю.И. Надточей, – трём странам-союзницам в немалой степени снизить стоимость и повысить эффективность реализации проектов и программ в области закупок вооружений, подготовки личного состава и миротворчества, а также в других областях совместной деятельности за счёт синхронизации и взаимной адаптации национальных оборонных планов»¹³².

Столь противоречивые интерпретации контактов так называемых старых государств – членов ЕС лишней раз подтверждают важность приведения к общему знаменателю внешних и внутренних моделей диалога¹³³.

¹³⁰ Надточей Ю.И. Бенилюкс: Новые горизонты оборонного сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 242.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 245.

¹³³ Отдельной исследовательской темой является роль религиозной идентичности в формировании единой модели диалога. См. тезисы и выводы Р.Н. Лункина: «Чтобы... увидеть контуры новой христианской идентичности Европы, необходимо в определённой степени дезавуировать фатальность угроз, страх перед которыми создаёт завесу и мешает понять реальность происходящего. Существуют две такие опасности – исламизация и либерализация... Путь к будущей европейской солидарности уже начинается с идеологического раскола... Возвращение к единой европейской солидарности может произойти через соединение демократических ценностей и осознания важности

Сила и геополитическое влияние ЕС напрямую зависят от наличия единой внешней модели организации отношений¹³⁴. Ведь ни геополитические амбиции ЕС, ни его самостоятельность в конкуренции между Соединёнными Штатами и Китаем, ни принятые им стратегические цели не будут реализованы в полной мере без транспарентности и предсказуемости, которую способна создать единая модель «европейского диалога»¹³⁵.

Рассматривать стратегию, тактику, программу, любые инициативы и отношения как самостоятельные феномены, не скреплённые моделями диалога, было бы также неверно, поскольку все они не (с)могут существовать вне коммуникации.

При отсутствии единой модели, действующей независимо от вызовов или вопреки вызовам, продолжат снижаться конкурентные преимущества Евросоюза, будут усиливаться недоверие, конфликты и самозанятость стран-участниц; сохранится неясность касательно того, какие отношения возможны, какие отно-

идентичности» (Лункин Р.Н. Новая христианская идентичность на обломках европейской солидарности // Европейская аналитика 2019... С. 123, 130-131).¹³⁴ И также конвергенции усилий внутри ЕС. О.Ю. Потемкина оправдано подчёркивает: «Возникает вопрос и о соотношении новой стратегии с другими инициативами ЕС в сфере безопасности, например, Постоянным структурированным сотрудничеством по вопросам безопасности и обороны (PESCO), созданным по инициативе государств-членов и частично дублирующим ССБ в сфере приоритетных направлений кибербезопасности и противостояния гибридным угрозам. Это как раз проблема создания “экосистемы безопасности”» (Потемкина О.Ю. Новая стратегия Союза безопасности ЕС // Европейская аналитика 2020... С. 17).

¹³⁵ В этом контексте см. о ловушке Трампа и дополнительных зависимостях: «В практическом плане НАТО изначально оказалось в ловушке Трампа. Й. Столтенберг в ответ на американский запрос о большем участии в борьбе с терроризмом как ключевой функции альянса попытался продемонстрировать значительную активность на этом направлении... [что] обозначало фактическое признание объективно ограниченных возможностей НАТО расширить своё функциональное участие. Вопрос о том, что НАТО может сделать ещё, идя навстречу Вашингтону, не имел очевидных ответов и реалистичных опций. Перспектива “боевой роли” альянса после завершения его самой крупной операции в Афганистане была фактически исключена. Однако политические мотивы администрации Трампа перевешивали эти практические аргументы, и пришлось в срочном порядке прорабатывать варианты дополнительного вклада организации» (Данилов Д.А. Неформальный саммит НАТО: перераспределение бремени и ответственности // Европейская аналитика 2017... С. 39).

шения необходимо считать приемлемыми, какие отношения и модели не стоит поддерживать вообще. Официальные круги стран ЕС фактически окажутся недееспособными и не смогут приступить даже к минимальному сотрудничеству в сфере общеевропейской безопасности.

Уверенность в том, что стратегическая автономия (очередная инициатива, стратегия или система) позволит устранить противоречия и конфликты – серьёзное заблуждение. Новую систему и порядок порождают отношения и формирующие их диалоги. Позднее система в состоянии лишь частично изменить отношения.

ГЛАВА 5. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ ЕС VERSUS СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ ЕВРОПЫ

Несмотря на многочисленные заявления, программы и документы, концепция (в некоторых работах – принцип) стратегической автономии ЕС окончательно не сформирована.

В одном из докладов Европейского парламента отмечается, что «политический консенсус по стратегической автономии направлен [в первую очередь] на оборонную промышленность». Всё остальное – лишь попытки «расширить... сферу применения», поскольку «[с]пособность автономно принимать решения сопровождается способностью реализовывать принятые решения на практике, особенно когда внешние акторы (Россия или Китай) иногда пытаются использовать длительный процесс согласования в ЕС и/или различные мнения его государств-участников по целому спектру вопросов»¹³⁶.

ЕС, полагают авторы цитируемого доклада, должен научиться говорить на «языке силы», согласовывать «цель и смысл европейского оборонительного механизма как дополнения к НАТО», устранить зависимость в энергетике, борьбе с дезинформацией и цифровыми технологиями¹³⁷.

¹³⁶ Anghel S., Immenkamp B., Lazarou E., Saulnier J.-L., Wilson A.-B. Auf dem Weg zu «strategischer Autonomie»: Die EU im sich wandelnden geopolitischen Umfeld. Brüssel, 2020. S. 1.

¹³⁷ Ibid. См. определение стратегической автономии из другого доклада:

Подобная трактовка стратегической автономии ошибочна, на наш взгляд, по шести причинам.

1. Речь должна идти о новой (институционализированной) модели коммуникации (диалога, см. главу 4), а не об ещё одной новой системе. Без новой коммуникации (диалога) разногласия не будут устранены, а, значит, останутся прежние проблемы, сохранятся страх и опасение пребывания под внешним влиянием. Та же пресловутая дезинформация при правильно организованном диалоге с собственными гражданами потеряет былое значение. Следовательно, заниматься ей специально не имеет особого смысла.

2. Независимость и зависимости в современном мире – настолько сложные феномены, что ни одно государство и ни одно интеграционное образование не может гарантировать ни полную независимость, ни избежание зависимостей, ни тем более эффективное и всестороннее управление ими¹³⁸. Одно из средств, способных в некоторой степени компенсировать негативное влияние зависимостей, – ответственное сотрудничество стран-лидеров, а отнюдь не усиление боеготовности стран Европейского союза.

3. В вырабатываемой стратегической автономии ЕС отсутствует иерархия направлений и проектов. Следовательно, и на уровне элит системного представления о конечном результате не появилось. Движение без чёткой цели (представления о конечном результате) – это по крайней мере половина будущей неудачи.

4. Неожиданные вызовы (коронавирусная пандемия) вроде

«Стратегическая автономия ... определяется как способность устанавливать собственные приоритеты внешней политики и политики безопасности и принимать решения, а также как совокупность институциональных, политических и материальных предпосылок, нужных для того, чтобы реализовывать [эти предпосылки] в сотрудничестве с другими акторами или, если это окажется необходимым, самостоятельно. Это понимание охватывает весь спектр действий по внешней политике и политике безопасности, а не только оборонное измерение. Автономия всегда относительна» (Lippert B., Ondarza N., Perthes V. (Hg.) *Strategische Autonomie Europas: Akteure, Handlungsfelder, Zielkonflikte*. SWP-Studie-2. Berlin, 2019).

¹³⁸ Отсюда и тезис монографии «систему порождают отношения и формирующие их диалоги» (см. главу 4).

бы делают иерархию (см. п. 3) ненужной. Но не стоит забывать и другое: иные средства подготовки общества и граждан к необходимости мобилизовываться, длительно и рационально действовать в кризисном модусе, быть способными к гибкому изменению траекторий и политике, отсутствуют. Отказ от согласования с обществом иерархии приоритетов стратегической автономии приведёт, скорее всего, к тому, что в случае наступления сложного вызова защита ЕС через автономию окажется малопродуктивной.

5. Стратегическая автономия ЕС не учитывает неуправляемость факторных траекторий (см. главу 2), интерпретирует глобализацию в большей мере как проблемный процесс, настраивается на организационную компактность (см. главу 3). В связи с этим довольно спорно, насколько избранная субстанция является безальтернативной и прогрессивной.

6. Содержательная и пространственная интеграция действующих программ в новую стратегическую автономию также остаётся проблематичной. А.И. Никитин, заметил, к примеру, относительно ПЕСКО: «ЕС заключил 18 рамочных соглашений (Framework Participation Agreements...) со странами, не входящими в ЕС, относительно предоставления внешних ресурсов для операций и миссий в рамках ОПБО»¹³⁹, и добавил: «ЕС не ограничивает свою деятельность территорией стран-членов, а считает уместной работу с конфликтами в своей широко трактуемой периферии, в том числе за пределами европейского континента»¹⁴⁰. Исходя из этого, ПЕСКО для него, с одной стороны, «даже в случае незавершённости многих из заявленных проектов, принесёт за десятилетие существенное усиление военных и военно-технических связей в Евросоюзе»¹⁴¹; с другой сторо-

¹³⁹ Никитин А.И. Потенциал кризисного реагирования и военно-техническое сотрудничество стран ЕС // Современная Европа. 2020. № 5. С. 143.

¹⁴⁰ Там же. С. 151.

¹⁴¹ Там же. С. 147. Дополнительно см. тезисы А.И. Никитина («В составе ПЕСКО фактически нет программ, напрямую нацеленных на какое-либо кардинальное совершенствование или приведение в систему миссий и операций в кризисных и конфликтных регионах вне ЕС»). Никитин А.И. Потенциал кризисного реагирования... С. 152) и Ю.В. Никуличева («программа PESCO набрала достаточную динамику и вряд ли уже превратится в простое “планов громадьё”, но “остановка в пути” неизбежна»). Никуличев Ю.В. Постоянное

ны – интеграция внутренних инструментов будет происходить скачкообразно. «Ни в одной из программ [PESCO], – пишет А.И. Никитин, – специально не упомянуты уже созданные “оперативно-тактические боевые группы” (CJTFs или EUBGs), из чего можно сделать вывод, что они не рассматриваются как удачный прообраз интегрированных сил»¹⁴². Сколько таких «неудачных прообразов» ещё возникнет в будущем?!

Применительно к стратегической автономии И.Н. Щербак напоминает, что президент Э. Макрон в феврале 2021 г. выступил за «[р]асширенное продвижение концепции»; за реализацию «потенциал[а] влияния на процессы глобальных преобразований: решение проблем политической нестабильности, демократического транзита, экологии, борьбы с терроризмом и организованной преступностью»¹⁴³. Э. Макрон, по его мнению, намеревается «сделать [ЕС] более дееспособным и сильным, увязывая динамичное трансатлантическое партнёрство с созданием европейской опоры НАТО»; «[о]риентаци[ей] стратегической автономии на достижение суверенитета ЕС в сфере высоких технологий»¹⁴⁴.

Однако, проанализировав предложения Э. Макрона, И.Н. Щербак, опытный дипломат, оптимистично и сдержанно полагает: «[р]ечь может идти о постепенной трансформации стратегической автономии по тактическим соображениям в сторону “европейского суверенитета”»¹⁴⁵, что «стыкуется с расширением возможностей реализации декларированных Парижем намерений начать диалог с Россией с целью улучшения коллективной безопасности и стабильности в Европе»¹⁴⁶.

И.Н. Щербак фактически пришёл к выводу, что конечный

структурированное сотрудничество в динамике и перспективе: «Остановка в пути»? // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 107).

¹⁴² Никитин А.И. Потенциал кризисного реагирования... С. 150.

¹⁴³ Щербак И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №2. С. 37. См. также: Щербак И.Н. Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях глобальных вызовов // Современная Европа. 2021. №4. С. 151-160.

¹⁴⁴ Щербак И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье... С. 37, 38.

¹⁴⁵ Там же. С. 39.

¹⁴⁶ Там же.

успех стратегической автономии ЕС должен осмысливаться в контексте повышения стратегической автономии Европы.

Иначе рассуждает А.С. Сидоров, когда констатирует «осознани[е] ситуации “множественного кризиса”... и необходимости коллективного выхода из него»¹⁴⁷ в Еросоюзе и приводит следующие тезисы.

1. «Реальная “европейская оборона” подразумевает совместное развитие программ вооружений, обретение коллективного военного потенциала, формирование общей европейской стратегической культуры для возможных совместных военных миссий»¹⁴⁸, то есть всего того, что ЕС пока не имеет и что займёт у него всё время, выделяемое на стратегическую автономию. Тем более «рынок делает всё более условными границы между военным и гражданским измерениями политики безопасности ЕС»¹⁴⁹, а «[п]оддержка прагматической “европейской обороны”, движение в направлении создания европейского самостоятельного военного потенциала приобретает устойчивый характер»¹⁵⁰.

2. Отсутствие «единой концепции “европейской обороны”» объясняется А.С. Сидоровым «различн[ым] восприятие[м] странами угроз»¹⁵¹, благодаря чему закономерен вопрос о приоритетности автономии перед формированием «одинакового восприятия».

3. «[Д]ля [Франции], – полагает А.С. Сидоров, – предметом европейского сотрудничества и партнёрства может быть всё, что непосредственно не связано с политикой “ядерного устрашения”»¹⁵²; «достаточно гибкий и адаптивный мультимедийный

¹⁴⁷ Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 159.

¹⁴⁸ Там же. С. 146.

¹⁴⁹ Там же. С. 148.

¹⁵⁰ Там же. С. 159.

¹⁵¹ Там же. С. 145. Ср. у В.Н. Чернеги о сходстве и отличии: «Западные европейцы, особенно французы, склонны к более глобальной оценке угроз, среди которых важное место занимает “китайская экспансия” или исламский терроризм... Для Франции огромное значение имеет, в частности, исламистская опасность в её бывших колониях в Африке» (Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции... С. 127).

¹⁵² Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей... С. 146.

подход Франции в отношении вопросов европейской обороны ... позволяет сочетать национальные усилия в области обороны и активно участвовать в двух- и многосторонних европейских проектах»¹⁵³. Несмотря на это, А.С. Сидоров довольно скептически смотрит на сценарий замены Парижем в Европе Вашингтона.

Н.К. Арбатова указывает не на «множественный кризис», а на наступление нового времени для Европейского союза: «в ЕС, – пишет она, – необходимо понимание того, что европейский интеграционный проект, опирающийся на коллективный суверенитет и либеральную демократию, вызывает неприятие многих современных держав, которые хотели бы его провала... европейской политической элите придётся научиться реализму, чтобы побороть прежнее благодушие и увидеть современный мир таким, каков он есть»¹⁵⁴; а значит – «восстанов[ить] связк[у] между либерализмом и демократией и определ[ить] географическ[е] контур[ы] европейской интеграции»¹⁵⁵.

С точки зрения Н.К. Арбатовой, из-за того, что «пандемия открыла новые возможности», и «Евросоюз может выйти из... кризиса более сплочённым и обрести весомую роль в международных отношениях»¹⁵⁶, «остановить формирование военной составляющей европейского проекта невозможно»¹⁵⁷.

Стратегическую автономию Н.К. Арбатова интерпретирует «не только [как] расширение военных возможностей, но и [как] катализатор формирования в Европе общих внешнеполитических целей»¹⁵⁸. Она особо подчёркивает, что «Франция и Германия объединены идеей более сильного и автономного Союза», а «выполнение [общей] повестки дня потребует от стран – чле-

¹⁵³ Там же. С. 153. См. уточнение А.С. Сидорова: «в реализации этих планов будет участвовать всё же небольшое число стран, что сокращает масштабы “европейской обороны” до уровня ограниченных операций за пределами ЕС» (Там же. С. 159).

¹⁵⁴ Арбатова Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) // МЭиМО. 2020. №6. С. 62.

¹⁵⁵ Там же. С. 63.

¹⁵⁶ Там же. С. 56.

¹⁵⁷ Там же. С. 63.

¹⁵⁸ Там же.

нов ЕС беспрецедентной солидарности»¹⁵⁹.

Благодаря О.Ю. Потемкиной осмысление проблематики противодействия терроризму в работах, посвящённых стратегической автономии, становится более детальным и практико-ориентированным. Главными тезисами О.Ю. Потемкиной являются, на наш взгляд, следующие.

1. «[Н]ападения “одиноких волков”, вероятно, будут преобладать... нельзя исключать и... масштабных террористических актов»¹⁶⁰.

2. «ЕС обеспокоен неоднозначными последствиями появления новых технологий: беспилотных летательных аппаратов, искусственного интеллекта и химических, биологических, радиологических и ядерных материалов, которые можно использовать в преступных целях»¹⁶¹.

3. ЕС занят совершенствованием принятого ранее: «закреп[лением] то[го], что было достигнуто, и [к]орректиров[кой] существующи[х] инструмент[ов], чтобы эффективнее противодействовать разным формам терроризма»¹⁶².

4. Французы демонстрируют недовольство и «считают действия ЕС недостаточными для достижения конкретных результатов»¹⁶³.

Позиция французов предстаёт в научном дискурсе (и это также заслуга О.Ю. Потемкиной) более противоречивой: с од-

¹⁵⁹ Там же. С. 57. «Франция хочет, – поясняет Н.К. Арбатова, – чтобы Европейская комиссия усилила политический контроль над управлением еврозоной, и выступает за более глубокую интеграцию в области миграции, налогообложения, внешней политики и обороны в качестве повышения способности Евросоюза защищать свои интересы на мировой арене. Германия же не решается наделить институты ЕС большей властью. Представляется, что в условиях транзита власти в Германии на первое место в тандеме объективно выдвигается французский президент Э. Макрон» (Там же). См. также: Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: «Весь мир», 2020 («Проект стратегической автономии ЕС развивается в непростое время... несмотря на свои негативные последствия, именно кризисы могут побудить Европу перейти на качественно иной уровень». Там же. С. 10).

¹⁶⁰ Потемкина О.Ю. Новые инициативы ЕС по противодействию терроризму // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 17.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. С. 22.

¹⁶³ Там же.

ной стороны, «множественный кризис» и «новое время» заставляют их инициировать комплексную концепцию стратегической автономии; с другой – реализация её отдельных элементов (к примеру, того же противодействия терроризму) никак не поддерживает комплексность, если под ней не понимать простую работу над ошибками и автономность прежде согласованного. При корректировке текущих программ Франция, активно критикующая ЕС и НАТО, практически не ведёт борьбу за комплексность.

С.В. Кислицын признаёт, что «Евросоюз испытывает рациональные потребности в развитии своих собственных оборонных структур как для обеспечения региональной безопасности, так и для развития ВПК и повышения степени интеграции своих стран-членов в этой сфере»¹⁶⁴, но призывает учитывать и американский фактор, а именно – критику Вашингтоном «принцип[ов] работы PESCO и EDF», поскольку, с точки зрения американцев, «обе организации не соответствуют совместным декларациям ЕС и НАТО от 2016 и 2018 годов, в которых выражается стремление сторон к развитию “согласованных, взаимодополняющих и совместимых оборонных возможностей”, ... “расширению совместных оборонных исследований и промышленного сотрудничества”»¹⁶⁵.

По его мнению, противодействие со стороны США способно привести к тому, что «европейцы могут столкнуться с проблемой снижения конкуренции и, соответственно, падением технологического уровня и совместимости с американскими системами... создани[ем] ненужных, дорогостоящих, дублирующих технологий»¹⁶⁶.

Помимо этого С.В. Кислицын полагает, что «[с]оздание крупных интеграционных структур должно сопровождаться и урегулированием общей системы экспортного контроля», однако «[с]уществующая модель военно-политических и военно-экономических отношений с США будет выступать естественным

¹⁶⁴ Кислицын С.В. Оборонные инициативы ЕС и позиции Вашингтона // МЭиМО. 2020. №10. С. 29-39. Цит. по: <https://ras.jes.su/meimo/s013122270013189-8-1> (дата обращения 10.03.2021).

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

препятствием для подобных инициатив»¹⁶⁷. Получается, что кризисный потенциал, с его точки зрения, продолжит суммироваться.

По мнению В.В. Воротникова, Н.П. Грибина, Д.А. Петляевой, Е.В. Пименовой и У.В. Якутовой «развитие оборонной автономии ЕС¹⁶⁸ в любом случае будет сказываться на изменении потенциала Североатлантического альянса»¹⁶⁹. Противоречия в конвергенции автономии и НАТО состоят в том, что благодаря НАТО «восточноевропейские члены... и государства Балтии... получают комплексную систему безопасности в виде военных баз, ПВО, круглогодичного патрулирования воздушного пространства и немалые финансовые вливания... решают свои политические задачи по обеспечению собственного доминирования в регионе, что рассматривается их руководством как приоритет»¹⁷⁰, поэтому «европейское оборонное сотрудничество... выгодно для “старых” европейцев, располагающих большими вооружёнными силами и развитыми ВПК, и невыгодно для восточноевропейских “новичков”, не обладающих ни должным опытом, ни военно-технологическими возможностями, ни в конечном счёте политической заинтересованностью для участия в трансъевропейских оборонных проектах»¹⁷¹.

Кроме этого, авторы полагают, что «членство в НАТО становится объективно сдерживающим фактором для развития западноевропейского ВПК, неизбежно – из-за чрезвычайно высоких издержек на НИОКР – движущегося по пути интернационализации».

Ал.А. Громько анализирует состояние и будущее стратегической автономии ЕС, которая «за последние годы приобрела множество составляющих: оборонную, промышленную, технологическую, цифровую, инфраструктурную, информационную и др.»¹⁷², через дискуссии евроатлантистов, «рассчитываю[щих]

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Один из элементов стратегической автономии.

¹⁶⁹ Воротников В.В., Грибин Н.П., Петляева Д.А., Пименова Е.В., Якутова У.В. НАТО versus PESCO: экономические аспекты // МЭиМО. 2020. №6. С. 47.

¹⁷⁰ Там же. С. 47-48.

¹⁷¹ Там же. С. 48.

¹⁷² Громько Ал.А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом // Современная Европа. 2021. №4. С. 15.

на новую трансатлантическую сделку ЕС и США, в которой Германия должна сыграть ведущую роль»¹⁷³, и европочвенников со свойственной для них «симметрич[ной] взаимозависимость[ю] ЕС и США в военно-политической сфере»¹⁷⁴, и особо подчёркивает, что именно «инициативность или бездействие национальных государств, их готовность потратить политический капитал или занять выжидательную позицию, политическое лидерство или стремление переложить ответственность на других будут определять будущее стратегической автономии»¹⁷⁵.

«Симметричная взаимозависимость» может, по его мнению, реализовываться либо с помощью «интеграци[и] военно-промышленных комплексов стран – членов ЕС с параллельным выходом на общую “стратегическую культуру” и создание наднациональных оперативных военных структур и единое военное планирование»¹⁷⁶ («задача минимум»), либо с помощью «европеизаци[и] ядерных сил Франции при сохранении ядерной кнопки в руках её президента»¹⁷⁷ («задача максимум»; по иному – «концепция “интегрированного сдерживания”»).

Объективность столкновения парадигм евроатлантизма и европочвенничества Ал.А. Громыко аргументирует «стратегической расстыковкой» ЕС и США, в которой «объективные интересы торговой, валютной, энергетической безопасности Евросоюза говорят об искусственности попыток Вашингтона предложить европейцам новую, а фактически перелицованную картину мира, разделённого на “демократии” и “авторитарные режимы”»¹⁷⁸, в то время как ЕС оправданно занимается «вопрос[ами] большой политики и безопасности, выходящи[ми] далеко за рамки торгового меркантилизма»¹⁷⁹.

Неслучайно, по мнению Ал.А. Громыко, «принцип стратегической автономии» в сфере общей внешней и оборонной по-

¹⁷³ Там же. С. 14.

¹⁷⁴ Там же. С. 17. Ал.А. Громыко пишет о «формул[е], которую можно рассматривать как частный случай концепции “двухъядерного Запада”» (Там же. С. 17).

¹⁷⁵ Там же. С. 14.

¹⁷⁶ Там же. С. 17.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. С. 20.

¹⁷⁹ Там же.

литики «придал качественно новую динамику... процессу [становления внешнеполитической и оборонной субъектности]»¹⁸⁰.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Стратегическую автономию ЕС отечественные политологи предлагают рассматривать в качестве концепции или принципа. В первом случае важны система и иерархия, во втором – достаточно учитывать инструментарий субъектности в программах, инициативах и на практике.

2. Критерии оценки состояния и перспектив стратегической автономии также зависят от ориентации на концепцию или принцип.

3. Причины выдвижения стратегической автономии ЕС интерпретируются по-разному: как вынужденно-объективный процесс через потенциальный конфликт с США, через конфликт с Россией (европочвенничество или евроатлантизм), через «множественный кризис» или как один из узконаправленных сценариев «идеального будущего» – через вызов нового времени. С учётом причин отличается и практическая значимость.

4. Применительно к сути автономии выработан консенсус, заключающейся в неясности её содержания и перспектив. Важно, что возможность сотрудничества с Россией не исключается.

5. При этом в научном дискурсе пока не поставлена проблема о соотношении стратегической автономии и структурной автономии, поскольку обе концепции или системы по-своему организуют феномен автономности Европейского союза.

Автор не намерен призывать к построению стратегической автономии ЕС в рамках стратегической автономии Европы, под которой – и теперь, к сожалению, приходится писать об этом отдельно – понимается большая Европа. Принятие решений – это дело институтов и стран – участниц Европейского союза, а призывы – дело гражданских обществ. Его задача, если обратиться к заголовку главы, более скромная – поставить ряд вопросов, на которые, несмотря на проводимую интенсивную работу над стратегической автономией ЕС, граждане стран-участниц данного интеграционного образования пока не получили конкрет-

¹⁸⁰ Там же. С. 22.

ных ответов:

- что в настоящее время необходимо понимать под стратегической автономией НАТО или это понятие не имеет практической ценности;
- чем, если понятие не имеет практической ценности, ограничивается и будет ограничиваться в среднесрочной перспективе автономность действий НАТО;
- насколько и где ограничение автономности НАТО должно быть компенсировано стратегической автономией ЕС? Имеется ли по этому поводу консенсус с Вашингтоном;
- какую позитивную роль играет асимметричность вызовов в регионе и в мире для формирования стратегической автономии ЕС;
- какие негативные последствия способны создать асимметричные вызовы в регионе и в мире для стратегической автономии ЕС;
- чем отличаются стратегическая автономия ЕС и стратегическая автономия Европы;
- какова при отсутствии различий конечная цель стратегической автономии ЕС;
- какова при наличии различий конечная цель стратегической автономии ЕС;
- насколько при наличии различий конвергируются обе стратегические автономии друг с другом;
- какое место должна занять и какую роль должна играть в будущем в представлениях авторов стратегической автономии Россия;
- насколько российское руководство согласно с отводимыми Российской Федерацией местом и ролью;
- как, если руководство России выражает несогласие, должно, по мнению стран – участниц ЕС, быть организовано сотрудничество между Россией и ЕС;
- имеется ли согласованный консенсус между странами – участниками Евросоюза по данному сотрудничеству;
- когда следует ожидать и следует ли вообще ожидать появление этого консенсуса;

- можно ли мыслить и строить стратегическую автономию ситуационно (исключительно на основе имеющихся конфликтов и противоречий) без стратегического представления о сотрудничестве между Россией и ЕС;

- как в государствах ЕС будет организовано демократическое волеизъявление относительно цели и инструментария стратегической автономии, поскольку граждане должны понимать, что не стоит исключать усиления конфликтов, а значит – гонки технологий, гонки вооружений, вооружённых столкновений в Европе;

- как будет транслироваться инструментарий стратегической автономии в государства, непосредственно граничащие с Европейским союзом.

- получат ли они право на корректировку своего участия?

И это лишь некоторые вопросы, без ответа на которые серьёзно говорить о стратегии и стратегической автономии не представляется возможным. Скорее всего, будет происходить простое углубление сотрудничества, подаваемое под красивым клише – «стратегическая автономия».

Разговоры о стратегии без её наличия и движение без цели, как известно, заранее определяют неудачу и ведут к дискредитации политических элит.

В этой связи вспомним слова Д.А. Данилова: «Евросоюз, заявляющий о себе как об ответственном геополитическом игроке, должен, по определению, выработать долгосрочное видение своих отношений с ведущими мировыми центрами силы»¹⁸¹, а «России предстоит принять принципиальное решение о будущем формате политико-дипломатических отношений с ЕС (с учётом фактически закрытой перспективы восстановления системного диалога); выстраивать отношения с США без расчёта на “отрезвляющее” влияние “европейской автономии”; переводить двусторонние отношения с европейскими партнёрами (странами и институтами) в максимально прагматичную плоскость, снижая давление геополитических аспектов»¹⁸².

¹⁸¹ Данилов Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №2. С. 7-15.

¹⁸² Там же. С. 13.

Прагматизм – это важный тренд времени. Прагматичными должны стать и подходы к формированию концепций общеевропейской безопасности.

ГЛАВА 6.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Отличие современности от предыдущих трансформационных периодов состоит в способности научного сообщества быстрее и глубже осмысливать происходящее, выявлять тенденции, факторы, средства, разрабатывать сценарии и рекомендации, эффективнее помогать государству и обществу избегать нежелательных вызовов и последствий.

Ни период промышленной революции, ни период индустриализации не располагали столь качественной научной базой, на которую сейчас может опираться глобализация¹⁸³. Ответственность научного сообщества в Европе, одном из наиболее стабильных и прогрессивно развивающихся регионов, существенно возрастает.

Впрочем, западная цивилизация в её европейском варианте сможет сохранить солидерство только если Европа при формировании архитектуры безопасности станет образцом для остального мира. С учётом данных ракурсов выстроим дальнейшие размышления о концепциях безопасности.

Употребление множественного числа оправдано шестью причинами:

- современный мир требует плюралистичных и конку-

¹⁸³ Водопомянова Е.В. Европейская наука: противоречия и перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №2. С. 151-155. См. также: Давлетгильдеев Р.Ш., Вашурина Е.В., Евдокимова Я.В. Интеграция России в европейское исследовательское пространство // Современная Европа. 2020. №1. С. 14-24. Авторы полагают, что «[к] лучшим практикам ЕС в рамках создания Европейского исследовательского пространства можно отнести: создание европейских технологических платформ, реализацию рамочных программ по развитию научных исследований и технологий, развитие эффективного сотрудничества с международными ключевыми партнёрами и группами стран в рамках регулярно актуализируемых дорожных карт и многое другое» (Там же. С. 21-22).

рентных подходов, многопланового видения, в котором отражалось бы всё его многообразие¹⁸⁴;

- соревновательность порождает стремление получить лучший результат («взгляды на мир»¹⁸⁵);

¹⁸⁴ См. в этом контексте вывод М.А. Неймарка об особенностях современной внешней политики: «Политическая и экономическая “рентабельность” растущей разобщённости внутри ЕС для России отнюдь не очевидна. До сих пор продвигаемая в отдельных странах ЕС идея об отмене базового принципа – консенсусного принятия решений – остаётся предположением и не больше... с учётом антироссийского санкционного принципа ЕС перелома в отношениях с Россией в обозримой перспективе ожидать не приходится. В этих условиях вынужденно приоритетом России является концепция малых шагов, постепенное продвижение к “миниобновлению” взаимоотношений» (Неймарк М.А. Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. №3. С. 36). О.П. Иванов также призывает быть сдержаннее и оценивать события в более широком контексте. О несходстве настоящего времени с периодом холодной войны он заметил: «Во-первых, нет глобального противостояния, характерного для XX века. Во-вторых, нет разлома между двумя блоками с определенными границами, за которые ведущие державы старались не переходить. В-третьих, центр тяжести мировой геополитики и особенно геоэкономики уже не ограничивается Европой, а сдвинулся в АТР, где всё большую роль играют такие центры мирового геополитического и геоэкономического притяжения, как КНР, АСЕАН и другие государства» (Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 118). В свою очередь, В.Б. Белов подчёркивает, что «ФРГ сохранит заинтересованность во взаимодействии с РФ, которое содействует укреплению её внешнеполитических позиций. Одновременно Берлин продолжит использовать фактор “растущей российской угрозы” для обоснования роста расходов на оборону и восстановления трансатлантического партнёрства в сфере безопасности. В этом отношении ещё более актуальным становится активизация диалога в рамках Совета НАТО–РФ и деятельность РГВУ (в том числе по вопросам противодействия терроризму и наркотрафику)» (Белов В.Б. Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 г. и перспективы 2021 г. Часть I. Политические аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 78). Исходя из этого, очевидно, что потенциал для стратегического взаимодействия с Российской Федерацией в вопросах общеевропейской безопасности имеется. Им нужно правильно воспользоваться.

¹⁸⁵ Ср. с тезисом Ф.А. Лукьянова: «Для правильного позиционирования в новую эпоху России необходим даже не баланс отношений с Востоком и Западом, а собственный взгляд на мир. Говоря проще – заикленность на Западе (неважно – про или контра) значительно сужает горизонт и ведёт к неадекватному распределению приоритетов развития» (Беседа с Ф.А. Лукьяновым, председателем Совета по внешней и оборонной политике, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», профессором-исследователем НИУ ВШЭ // Запад–Восток–Россия 2017. Ежегодник / отв. ред. Д.Б. Малыше-

- в гуманитарном знании истина представляет собой сумму проверенного временем и нового;
- в нескольких концепциях всегда лучше осознаются сходства и различия;
- концепции всё равно придётся воспринимать как предварительные:
- принципиальна не унифицированная концепция, а единое институциональное пространство возникновения концепций.

Создание концепций общеевропейской безопасности станет возможным, если принять во внимание, что трансформации будут продолжены; действующие тренды (см. некоторые из них в предыдущих главах) будут сохранять самостоятельность, реализовывать присущую им логику и едва ли серьёзно изменятся; доверие в полной степени так и не будет восстановлено; модернизация и реформы национальных армий не остановятся; большинство стран в Европе и в мире длительное время будут усиленно заниматься собственными проблемами; партийно-политические системы не перестанут изменяться, что продолжит вызывать неоднозначную реакцию традиционных элит; привычные организации и союзы также не прекратят реформироваться; стабильность не будет продолжительной, а многое из того, что сейчас происходит, если не изменятся прежние подходы, будет подпитывать нервозность, недоверие, усиливать противоречия и опасения¹⁸⁶.

В этих условиях теоретически допустимы три основные варианта целеполагания в государственном управлении:

- госструктуры могут заниматься ситуативной работой (текущим управлением);
- госструктуры могут сформулировать стратегический

ва, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 12).

¹⁸⁶ Нельзя забывать и об изучении в политологии общих вызовов. Н.И. Бубнова, к примеру, писала: «общие угрозы и вызовы являются несомненной реальностью, и именно на задаче их преодоления должны быть сосредоточены совместные усилия» (Бубнова Н.И. Глава 6. Российско-американские отношения в сфере безопасности // Безопасность и контроль над вооружениями: 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М., 2016. С. 102).

проект / стратегические проекты, способный/ые объединить общество, и попытаться его/их реализовать автономно;

- госструктуры могут разработать общий стратегический проект / общие стратегические проекты с союзниками и/или партнёрами; в последнем варианте придётся убеждать собственное общество в необходимости коллективных действий.

Для всех вариантов характерны автономность (в расширенном или узком составе), декларируемая уверенность в правоте и неочевидность успеха.

Поскольку время трансформаций и неопределённостей активизирует самостоятельность и влияние различных акторов, концепции общеевропейской безопасности с большой вероятностью смогут появиться, если сделать ставку на диалоги экспертных сообществ и гражданских обществ европейских стран, на консолидацию усилий, на широкий круг участников и перспективы установления контактов, на реалистичное целеполагание – приумножение позитивного; постоянное знакомство с заинтересованными лицами; уменьшение напряжённости; появление авторитетных сетевых экспертных сообществ; на постоянство и системность; на единое институциональное пространство; на открытость диалога / диалогов; на отсутствие строгой иерархии; на сетевой характер взаимодействия; на отказ от идеологических клише и их декларирования; на желание получить хотя бы минимальный общий результат; на толерантность; на обязательную фиксацию и обнародование результатов.

Диалоги потребуют организации подготовительного этапа, на котором необходимо проверить перспективы и определить институциональные механизмы сотрудничества.

Теоретически возможны максимальный и минимальный алгоритмы запуска диалогов. Максимальный алгоритм состоит из четырёх шагов.

Шаг 1 – организация встречи авторитетных дипломатов, государственных деятелей в отставке из стран Европы, на которой можно было бы принять заявление в поддержку мира. В этом заявлении содержался бы призыв к правительствам, общественности и экспертам европейских стран объединить усилия для строительства мирной Европы и общеевропейской системы

безопасности.

Шаг 2 – ссылаясь на заявление дипломатов и государственных деятелей в отставке, на авторитетном форуме (авторитетных форумах) можно было бы выступить с обращением к общественности и экспертам европейских стран подготовить и обнародовать национальные доклады, в которых содержались бы сценарии дальнейшего развития, предлагались бы для обсуждения принципиальные вопросы и имелись бы предложения, связанные с проблемным комплексом общеевропейской безопасности. Для активизации диалога между гражданскими обществами в Российской Федерации активную роль могла бы сыграть Общественная Палата. Что касается институционализации экспертного диалога, то при наличии академических институтов, столичных и региональных вузовских центров, действующих дискуссионных площадок, процессы согласования и консолидации усилий не должны занять много времени.

Шаг 3 – создание национальных инициативных групп, комитетов или иных временных органов с целью подготовки на национальном уровне общественного и экспертного докладов. Представление или отказ от каждого из докладов одинаково важны. Если с самого начала освещать инициативу в СМИ, то отказ потребует объяснений. Кроме того, инициативные группы, комитеты или иные временные органы, наверняка, будут неформально взаимодействовать с национальными правительственными структурами, поэтому следовало бы сразу оговорить, что в каждом из докладов необходимы не менее двух концептуальных сценариев с самостоятельными практическими шагами. Тем самым доклады не станут дублировать известные национальные позиции, и в них будут присутствовать как минимум четыре сценария. После анализа докладов легко будет составить списки вопросов, подразделив их на те, которые получится быстро согласовать и для согласования которых потребуется дополнительное время. Впоследствии это даст возможность интенсивно работать над несколькими сценариями решения сложных вопросов.

Шаг 4 – обнародование национальных докладов. Доклады можно будет представить самостоятельными изданиями, об-

народовать в Интернете, перевести на основные европейские языки.

Для освещения мероприятий и координации сотрудничества с журналистским сообществом в состав национальной инициативной группы, комитета или иного временного органа можно включить представителей СМИ.

Результатами предварительного этапа в максимальном варианте являются:

- формирование круга стран-инициаторов¹⁸⁷ и первичная институционализация;
- опыт координации на национальном уровне, частично – и на региональном уровне;
- возможность гибкой институциональной корректировки в каждом из диалогов;
- разнообразные предложения и сценарии, что сделает излишней любую критику относительно заданности и пропагандистских эффектов, создаст основу для продолжения работы¹⁸⁸;

¹⁸⁷ В.М. Юрченко о потенциально-ответственных странах и сложностях «концерта»: «Современный “концерт” должен быть гораздо более репрезентативным по сравнению со своим европейским предшественником, однако, поскольку членство в нем не может быть всеобщим, не получится избежать неключённости в его состав определённого числа акторов. В свою очередь, это может привести к сопротивлению исключённых из участия в “концерте” государств, которое может принять различные формы» (Юрченко В.М. Проблемы глобальной и национальной безопасности – позиции экспертного сообщества // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное распространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / отв. ред. А.И. Никитин, П.А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 101).

¹⁸⁸ Теоретическая основа для таких предложений в отечественной политологии подготовлена. А.В. Загорский, к примеру, писал о возможном «доставлении [и] современной системы европейской безопасности» (Загорский А.В. Дискуссия о будущем европейской безопасности: промежуточные итоги... С. 649) в трёх направлениях: с «фиксацией сложившегося статус-кво» («вторая Ялта». Там же. С. 649); «интеграции России и постсоветских государств... в евро-атлантическое сообщество государств» (Там же. С. 650); «поддержание модус-вивенди, то есть сохранения нынешнего положения дел, которым... не довольна ни та, ни другая сторона, но преодолеть которое ни та, ни другая сторона сегодня не в состоянии» (Там же. С. 651). Позднее речь пошла о «коррекции архитектуры европейской безопасности с учётом ясно обозначившегося... “момента биполярности”» (Загорский А.В. Кризис европейской безопасности: пути выхода // Ежегодник СИПРИ-2017: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 668) через «опре-

- многовариантность последующих траекторий;
- возможность присоединения к диалогам или одному из диалогов представителей стран, не представивших доклады;
- вклад в развитие прямой демократии в Европе, а, значит, несмотря на текущие сложности и проблемы, – фактическое сближение стран;
- аргументы в пользу поэтапной работы, заранее прописанных критериев и требований к качеству результата на каждом из этапов.

Основная часть критики будет, скорее всего, касаться пяти вопросов:

- якобы произойдёт дублирование работы дипломатических ведомств, будет подрываться выполнение их текущей повестки дня;
- якобы снизится авторитет или даже будет доказана ненужность общеевропейских организаций, к примеру Совета Европы;
- якобы могут сформироваться какие-то неуправляемые общественные органы в сфере, традиционно изолированной от широкого общественного обсуждения;
- якобы будут озвучены известные позиции, а консенсус так и не появится;
- множественность докладов и предложений затруднит или сделает последующую работу национальной инициативной группы, комитета или иного временного органа практиче-

делени[е] соотношения между принципом свободы выбора союзов... и принципом неделимости безопасности» (Там же); через остановку «гонк[и] вооружений» и «исключ[ение] возможность[и] непреднамеренной или неизбежной эскалации возможных опасных военных инцидентов в районах общих сухопутных и морских границ» (Там же. С. 669); через «согласова[ние] гарантии безопасности для не входящих ни в НАТО, ни в... ОДКБ... стран..., которые делали бы вариант сохранения статуса неприсоединившихся государств более привлекательным для них, чем стремление вступить в какой-либо из альянсов» (Там же); через согласование Российской Федерации и Евросоюзом «совместимой ассоциаци[и] ряда стран Восточной Европы с ЕС... с сохранением и развитием их экономического сотрудничества с Россией и другими странами... ЕАЭС» (Там же). См. также: Загорский А.В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы (Рабочая тетрадь №31, 2016) / гл. ред. И.С. Иванов. М.: НИ РСМД, 2016.

ски невозможной.

На критику, если она будет озвучена, можно ответить следующее.

1. Появление национальных докладов призвано развивать общественную и научную дипломатию¹⁸⁹. Трудно, как отмечалось выше, представить себе, что инициативные группы, комитеты или иные временные органы стали бы действовать изолированно, без консультаций с национальными дипломатическими ведомствами. Впрочем, временные органы должны размышлять над *возможными* сценариями, что ни содержательно, ни организационно не сможет нанести вред текущей работе дипломатических ведомств. Представители дипломатических ведомств смогут по желанию принимать участие в заседаниях¹⁹⁰. Открытое освещение работы инициативных групп, комитетов или иных временных органов не только повысит общественный интерес к проблематике международных отношений, но и авторитет дипломатической службы. Многообразие предложений и сценариев подтверждает, что работа на подготовительном этапе не завершена и её рано оценивать, а похвала или критика в адрес конструктивности или разногласия послужат мобилизационным импульсом для перехода или корректировки работы на следующем этапе.

2. Общественный интерес и участие не могут подорвать авторитет международных организаций. Ничто не препятствует продолжению работы на площадке Совета Европы. При необходимости обсуждение этого вопроса можно оговорить заранее.

3. Каждая страна должна решать вопрос управляемости и компетентности инициативных групп, комитетов или иных временных органов в соответствии со своим законодательством. Что касается Российской Федерации, то едва ли можно считать Общественную Палату РФ, если она будет вовлечена в процесс подготовки одного из докладов, или объединение экспертов не-

¹⁸⁹ Ср. с аргументами В.И. Камышанова: Камышанов В.И. Роль и место гражданского диалога в международных отношениях // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение... С. 110-113.

¹⁹⁰ О новых задачах дипломатии см.: Добровольский В.Н., Карпович О.Г. Неизменные приоритеты и новые задачи дипломатии // Международная жизнь. 2021. №4. С. 58-67.

компетентными и неуправляемыми.

4. На подготовительном этапе нежелательно вырабатывать консенсус. Более принципиальными являются промежуточный результат в виде докладов, полученный опыт взаимодействия, институты, плюрализм, максимально широкая база для дальнейшего сотрудничества, обязательство обсудить каждый из докладов с выделением преимуществ и недостатков реализации на практике внесённых предложений. В двух докладах, в четырёх сценариях и четырёх блоках предложений повторы будут носить умеренный характер. Новизна также появится.

5. Множественность помогает решить параллельно две задачи: 1) гарантировать переход на следующий этап, поскольку ценность затрачиваемого времени и результативность всегда взаимосвязаны; 2) предоставить госструктурам время для необходимой настройки.

Преимуществами организации подготовительного этапа в варианте максимального алгоритма являются реальность достижения конкретных результатов, работа над общим дискурсом и появление, несмотря на различия и тренды, интеллектуального пространства взаимодействия.

К наиболее вероятным недостаткам следует отнести отказ представителей ряда стран участвовать в инициативе, трудности с консолидацией на национальном уровне, упреки в легитимности участников, сохранение (под)разделения на группы среди стран, предоставление одинаковых докладов региональными объединениями и/или группой стран.

Отказ от участия может быть аргументирован тем, что инициатива воскрешает политику СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. по привлечению пацифистского движения. Как показано выше, гибкость, транспарентность, плюрализм и опция на присоединение позволят относительно легко расставить точки над «i» и доказать безосновательность подобного сравнения.

Предоставление объединённых докладов, если придерживаться принципа двух докладов от общественного и экспертно-го диалогов, по большому счёту также не создаст трудностей.

Что касается минимального алгоритма, то теоретически его реализация на подготовительном этапе возможна в пяти подва-

риантах:

- только общественный диалог;
- только экспертный диалог;
- общий диалог общественности и экспертов;
- объединённый международный диалог общественности;
- объединённый международный диалог экспертов.

Два последние подварианта мало продуктивны на подготовительном этапе. Они будут напоминать привычные международные форумы общественности и экспертов со свойственными им достоинствами и недостатками.

Что же касается упрощённых диалогов, то разделить на практике экспертов и представителей общественности окажется сложно. Не получится найти внятную аргументацию, почему эксперты не могут быть представителями общественности.

Следовательно, применительно к упрощённым диалогам правильнее будет детальнее рассмотреть подвариант с общим диалогом общественности и экспертов, отказавшись от размышлений о двух самостоятельных секциях в рамках одного диалога, поскольку общий диалог с двумя подсекциями возвращает нас к максимальному алгоритму.

Условиями и принципами запуска минимального алгоритма в виде общего диалога представителей общественности и экспертного сообщества на подготовительном этапе станут:

- чёткое понимание того, кто является представителем общественности; едва ли целесообразно считать представителем общественности дипломатов в отставке, которые должны быть отнесены к экспертам;
- пропорциональный состав участников (например, опыт регионов, городов-побратимов позволит увидеть проблематику общеевропейской безопасности под новыми ракурсами);
- формирование смешанных секций под конкретные проблемные блоки безопасности; в связи с этим безопасность необходимо понимать широко, включив в обсуждение среди прочего сохранение национальной и общеевропейской идентичности, культурного наследия;
- составление единого доклада минимально с двумя сценариями и разными предложениями к каждому из сценариев

(своего рода «программа-максимум» и «программа-минимум»);

- широкое обсуждение на национальном уровне доклада до его окончательного обнародования; к обсуждению можно привлечь обучающихся и курсантов высших учебных заведений;
- внесение по итогам широкого обсуждения изменений в доклад;
- реформатирование состава инициативной группы, комитета или иного временного органа, если широкое обсуждение создаст для этого предпосылки;
- включение в доклад раздела о сходстве и отличиях вносимых предложений с национальными стратегиями безопасности;
- включение в доклад раздела о трудностях предстоящей реализации вносимых предложений и рекомендаций по их преодолению.

Минимальный алгоритм предполагает тщательную проработку институционально-организационных вопросов, поскольку иначе не удастся избежать содержательной разбалансировки. В связи с этим, кроме вышеупомянутых смешанных секций по конкретным блокам и/или вопросам, необходимых в подобных случаях редакционной комиссии и доступного в Интернете тематического плана общих заседаний инициативной группы, комитета или иного временного органа правильно было бы для гарантирования соблюдения принципов открытости и заинтересованности организовать прямые онлайн-трансляции заседаний секций и общих заседаний.

Ожидаемые результаты минимального алгоритма в целом совпадут с результатами максимального алгоритма. Исключение составят:

- первичная институционализация произойдёт в варианте смешанного диалога, что потребует дополнительных временных затрат на согласование и приведёт к неизбежным компромиссам относительно содержания, проблемных блоков и предложений; об эффективности баланса и удовлетворённости компромиссом можно будет судить лишь позднее;
- придётся полностью отказаться от координации на ре-

гиональном уровне;

- возможность институциональной корректировки будет сохранена; однако её перспективы будут зависеть от эффективности полученного инициативной группой, комитетом или иным временным органом результата; в конкуренции институциональных моделей выиграет тот, у кого быстрее будет получен и лучше сформулирован результат;

- предложения окажутся менее разнообразными, но обязательное сравнение с национальными стратегиями безопасности, прямые онлайн-трансляции и широкое обсуждение позволят несколько повысить разнообразие; обоснованная критика по поводу заданности и пропагандистских эффектов не прозвучит;

- многовариантность траекторий в целом сохраняется, но спор о лучшей институционально-организационной модели запрограммирован.

Кроме этого, появятся и новые результаты:

- уникальный опыт сотрудничества экспертов и представителей общественности; на национальном уровне это открывает перспективы для практико-ориентированной результативной работы и непробированных форматов;

- сложный компромисс отшлифует аргументационную линию доклада;

- ранее соотнесение национальных стратегий безопасности и положений доклада позволит дипломатическим ведомствам лучше понять направления развития диалогов.

Большинство ожидаемых результатов – это одновременно и достоинства реализации минимального алгоритма. Недостатки данного алгоритма схожи с предыдущим алгоритмом: к примеру, не уменьшились сложность и масштабность организации диалогов.

В связи с этим затруднительно представить какую-то специфическую критику в адрес минимального алгоритма. В любом случае ещё одним ответом на критику может стать указание на то, что иного способа активизировать разработку концепций общеевропейской безопасности в настоящее время, по всей видимости, не существует.

Детализация последующих этапов и реализуемых на них ал-

горитмов в данной главе представляется излишней. Последующие этапы в обоих алгоритмах не будут существенно отличаться друг от друга. Допустимы переплетение элементов (шагов) алгоритмов, их изменение, учёт новых проблемных полей (см. подробнее о целях ещё двух алгоритмов в главе 1: «утвердить в национальных общественно-политических дискурсах представление о глобализации как о саморегулирующемся, многоэтапном и многоуровневом процессе»; «обеспечить создание и широкое обсуждение сценариев “идеального будущего”, для появления которого необходимо сначала изменить среду (представление о глобализации), дискурсы, интерпретации ситуационно-го и перспективного, а частично – и текущую политику»).

Сохранение на каждом этапе требования множественности концепций позволит поддерживать институциональное взаимодействие, усложнять субстанционную основу, улучшать качество, значимость и значение очередного результата.

Несмотря на сложности, организация диалогов является вполне реалистичной задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы монографии можно разделить на две самостоятельные группы – концептуальные, связанные непосредственно с концепцией, и так называемые традиционные, обобщающие содержание глав.

К концептуальным выводам относятся следующие.

1. При анализе трансформаций в сфере безопасности необходимо учитывать потенциальные границы изменений, создаваемые феноменами, факторами и процессами, то есть особую, характеризующую данное время трансформационную рамку.

2. Политики лукавят, повторяя тезис о сложности изменений в мире. Сложность и длительность любых изменений и содержательное наполнение изменений – совершенно разные явления. Объективные изменения происходят в границах определённой трансформационной рамки. Длительность происходящих изменений способствует более чёткой научной фиксации потенциального и реально возможного.

3. Анализ трансформационной рамки требует иерархии влияющих на её содержание и механизмы воспроизводства факторов и феноменов. Если за доминирующий феномен принять, к примеру, глобализацию, то общеевропейская безопасность должна считаться подчинённым феноменом, обсуждение которого можно начинать лишь после выработки консенсуса о «глобализации 2.0» и алгоритмов её создания. Если же доминирующим станет один из факторов в сфере безопасности (см. главу 2), то трансформационную рамку необходимо будет понимать либо как совокупность самостоятельных и относительно равноценных процессов и факторов, либо как результат действия одного из факторов в сфере безопасности. В первом варианте придётся заниматься иерархией факторов в других процессах, а затем конвергенцией доминирующего фактора безопасности и доминирующих факторов изученных процессов. Во втором варианте исключительное внимание будет уделено управлению выделенным фактором, безопасности же будет присвоено значение, которое выше имела глобализация. К сожалению, подобных простых однофакторных вариантов в реальности не существует. Если доминирующим фактором будет институциональный (см. главу 3), то иерархия процессов уступит место иерархии принципов и правовых норм. Перспективы согласования внутри трансформационной рамки всё равно продолжают интересовать исследователей. Всё это доказывает, что общеевропейская безопасность – конструируемый феномен.

4. Без масштабного исследования содержания трансформационной рамки и иерархии, входящих в неё феноменов, факторов и процессов, не появится ни политологический консенсус, ни необходимый для конструирования общеевропейской безопасности научный дискурс, а политики продолжат произвольно и ситуативно расставлять приоритеты, что, с одной стороны, создаст новые объективные факты и активизирует изучение политической среды, обобщение этих фактов; с другой стороны – усложнит, но едва ли изменит, прогностическую задачу политологов, заключающуюся среди прочего в анализе границ и содержания трансформационной рамки и разработке на этой основе алгоритмов построения концепций общеевропейской

безопасности.

5. Стратегия в современном наукоцентричном мире не может возникнуть без сотрудничества с политологами и представителями других гуманитарных наук. Большинство того, что политики называют стратегиями, является лишь приспособлением ко времени (локализацией современности), а не управлением им. «Стратегия» борьбы и передышек (приспособление через принятие конфликтов и противоречий, заключение компромиссов) не идентична стратегии управления (направленности на перспективу, решение конфликтов, устранение / недопущение противоречий). Изменение реалий возможно лишь после утверждения ракурса концептуально-научного мышления.

Исходя из концептуальных выводов, фундаментальными проблемами общеевропейской безопасности являются отсутствие у политиков концептуально-научного ракурса, масштабных институционализированных диалогов между политическим и политологическим сообществами, конкуренции научных площадок, занимающихся переносом теоретических выкладок на язык практических рекомендаций, внутренние сложности национальных политологических сообществ, включая слабое сотрудничество в первую очередь по теоретическим вопросам.

К «традиционным», обобщающим содержание глав, выводам относятся следующие.

1. Коронавирусная пандемия завершила первый (очередной) этап глобализации, что поставило Европу и мир перед необходимостью критически проанализировать «политические вещи», задуматься над сценариями будущего («идеального будущего») и попытаться заложить прочный фундамент дальнейшего сотрудничества.

2. Роль и ответственность отдельных государств, прежде всего ранее входивших в «великий альянс», на новом этапе глобализации, в том числе применительно к безопасности, продолжит возрастать. Государствам придётся детализировать свои «ведущие темы», корректировать цели и соответствующим образом воздействовать на общество.

3. Поскольку глобализацию можно интерпретировать через интеграционные и дезинтеграционные процессы, асинхронно-

ти, различающихся по своей природе и влиянию акторов и сетей, повышается необозримость происходящего и затрудняется появление свойств и черт, характеризующих системный порядок. Это может грозить утверждением гегелевского и схожих с ним принципов неизбежности принятия «сущностно рационального». Для общеевропейской безопасности, к примеру, это будет означать, что задачи национальных вооружённых сил в многомерных кризисах, перманентность угрозы из киберпространства настолько изменят подходы к боеготовности и ценности обороны, что значимость достигнутого и постоянная необходимость совершенствоваться окажутся прямо противоположными желанию и стремлению уменьшать напряжение.

4. На общеевропейскую безопасность влияют различные факторы, поэтому её можно трактовать и как многофакторный процесс. С учётом того, что траектории каждого из факторов пока остаются неопределёнными, многофакторность безопасности в теперешнем неуправляемом варианте будет возрастать. Ситуацию способна изменить только смена перспективы, то есть обращение к стратегии развития – сценариям «идеального будущего».

5. Крупные организации в сфере безопасности находятся в (трансформационном, мировоззренческом) кризисе, усиливаемом плановым развитием компактных организаций и/или форматов. Для окончательного утверждения реализуемой компактными организациями и/или форматами модели пока явно не достаёт видимых успехов и открытого (декларируемого) перехода к конкуренции моделей.

6. Институциональный плюрализм и характерное для него скрытое соревнование дополняются плюрализмом моделей диалога, что препятствует также формированию перспективных подходов в сфере общеевропейской безопасности и, в случае длительной разногласия, продолжит дерационализировать политические действия, в то время как политическая рациональность требует фиксации минимальных порогов, использования единой модели диалога и построения общеевропейской системы.

7. Если принять за аксиому, что западная цивилизация

(часть европейской цивилизации) всегда развивается прогрессивно-рационально, то закономерен вопрос о прогрессивности и рациональности реализуемых в настоящее время концепций, к примеру концепции стратегической автономности Евросоюза.

8. Подчас забывается, что глобальная безопасность невозможна без действующих и доказывающих свою эффективность региональных систем безопасности.

9. Интерпретация общеевропейской безопасности через фундаментальные проблемы и трансформационную рамку поможет преодолеть искусственные препятствия и, не затрагивая амбиций стран, настроенных на конфликт, подготовиться в расширенном или узком составах к серьёзному диалогу об общеевропейской безопасности.

Исходя из «традиционных» выводов, фундаментальными проблемами общеевропейской безопасности являются отказ политиков от рационального многопланового типа мышления, свойственного когда-то европейской цивилизации, крайне узкая и пространственно ограниченная интерпретация прогрессивного развития в многофакторной и противоречивой действительности и постоянный перенос, в условиях видимой комфортности действий в ограниченном и пока ещё понятном из-за своей ограниченности пространстве, на будущее (разрешения проблем. Сознательное ограничение собственного потенциала порождает новые страхи, угрозы и неуправляемость.

Таким образом, значительная часть фундаментальных проблем общеевропейской безопасности обусловливается недостаточным профессионализмом ответственных за неё акторов, их нежеланием, а, возможно, и неспособностью отделять друг от друга фундаментальные и «классические» проблемы.

Общеевропейская безопасность была и остаётся конструируемым феноменом, о котором много говорилось, но на практике приходится иметь дело с отдельными элементами, процессами, подчинёнными феноменами и факторами, но не с системой. Признание этого открывает перспективы перехода к новым направлениям и уровням деятельности в сфере безопасности, поскольку отсутствие системы предполагает и отсутствие привычного понимания проблем (см. выше вывод 9).

Парадокс в том, что при анализе общеевропейской безопасности и связанных с ней проблем политики и исследователи вынуждены выбирать между противоречиями несистемного недостроенного феномена и политической несистемностью. В период трансформаций вторая несистемность, по нашему мнению, имеет большую значимость и влияние.

При всех очевидных трудностях создание общеевропейской системы безопасности, если в современный период трансформации возобладает присущая европейской цивилизации рациональность и стремление к прогрессу, представляется довольно реалистичным развитием событий, поскольку даже потребности сохранения (не улучшения!) стабильности и благосостояния европейских стран предполагают не только вооружение, гонку технологий, конкуренцию, но и потребуют принятия статус-кво, заставят бороться с неуправляемостью процессов и факторов безопасности, усилят недовольство ростом конфликтного потенциала, тратой финансовых средств отнюдь не на социальные и инвестиционные программы.

Таким образом, в феномене общеевропейской безопасности перманентно присутствует, но не активизируется, потенциал сотрудничества. Для его активизации нужно (по)пытаться действовать по-новому, или среди прочего сделать то, о чём когда-то говорил И. Кант – изменить способ мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аватков В.А., Якимова Д.А. Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса // Современная Европа. 2020. №2. С. 51-60.
2. Алексеенкова Е.С. Италия в Восточном Средиземноморье: между экономикой и политикой // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 68-75.
3. Алёшин А.А. Сотрудничество Великобритании и Европейского союза по вопросам безопасности и обороны после Брекзита // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 278-300.
4. Андропова И.В., Миновска М., Дюжева Н.В. Влияние Соглашения стабилизации и ассоциации на развитие внешней торговли Северной Македонии с ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 78-89.
5. Арбатова Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №6. С. 51-65.
6. Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 21-52.
7. Бабынина Л.О. Дания и европейская оборона: новые вызовы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №6. С. 39-44.
8. Бартенев В.И. Европейские доноры в арабском мире: перераспределение ресурсов и ролей // Современная Европа. 2020. №6. С. 76-89.
9. Безопасность и контроль над вооружениями: 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2016. 303 с.
10. Белов В.Б. Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 г. и перспективы 2021 г. Часть 1. Политические аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 70-80.
11. Биссон Л.С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнёрства // Современная Европа. 2020. №3. С. 39-50.

12. Близначкая Е.А. Глобальное экологическое управление и многосторонняя экологическая дипломатия: состояние предметных областей // Международные процессы. 2020. №3. С. 126-153.

13. Бляхер Л.Е. Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика // Международная аналитика. 2021. №1. С. 21-34.

14. Братерский М.В. Политика невоенной безопасности в Большой Евразии: Совпадают ли взгляды ведущих держав? // Актуальные проблемы Европы. 2021. №1. С. 64-84.

15. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. №2. С. 20-32.

16. Варнавский В.Г. США и Китай: глобальная конкуренция в инновационной сфере // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций / Отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 15-18.

17. Ведерников М.В. Формирование национальной идентичности в современной Словакии // Вестник МГИМО(У). 2021. №1. С. 94-125.

18. Водопьянова Е.В. Европейская наука: противоречия и перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №2. С. 151-155.

19. Воротников В.В., Грибин Н.П., Петляева Д.А., Пименова Е.В., Якутова У.В. НАТО versus PESCO: экономические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №6. С. 40-50.

20. Годованюк К.А. Британо-турецкие отношения в свете брекзита // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 24-31.

21. Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. №1. С. 37-48.

22. Годованюк К.А. Содействие международному развитию на службе «Глобальной Британии» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №4. С. 101-107.

23. Гонтарь С.М. Деятельность аппарата правительства Российской Федерации по формированию руководящих органов

ОДКБ и правовые основы их деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №1. С. 6-12.

24. Громыко Ал.А. Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья вторая // Современная Европа. 2020. №6. С. 5-14.

25. Громыко Ал.А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» // Обозреватель – Observer. 2020. №7. С. 24-38.

26. Громыко Ал.А. Рождение послевоенного мира: планирование и реалии. (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья первая // Современная Европа. 2020. №5. С. 19-32.

27. Громыко Ал.А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом // Современная Европа. 2021. №4. С. 10-25.

28. Гусарова О.В. Цифровое развитие в оборонной сфере: смарт-контракты // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций / отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 23-25.

29. Давлетгильдеев Р.Ш., Вашурина Е.В., Евдокимова Я.В. Интеграция России в европейское исследовательское пространство // Современная Европа. 2020. №1. С. 14-24.

30. Давыдов В.М. Императивы устойчивого развития в тени и в свете пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №3. С. 11-22.

31. Данилин И.В. Инновационное развитие оборонного и разведывательного комплекса США: от новых инструментов к новой культуре // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций / отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 19-22.

32. Данилин И.В. Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм // Международная аналитика. 2020. №4. С. 21-35.

33. Данилов Д.А. Неформальный саммит НАТО: перераспределение бремени и ответственности // Европейская аналитика 2017 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 33-44.

34. Данилов Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №2. С. 7-15.
35. Данилов Д.А. Саммит НАТО: глобальное будущее после «смерти мозга» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №3. С. 7-14.
36. Данюк Н.С., Семибратов Е.В. ОДКБ в свете современных вызовов и угроз: направления дальнейшего функционирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. №1. С. 58-70.
37. Добровольский В.Н., Карпович О.Г. Неизменные приоритеты и новые задачи дипломатии // Международная жизнь. 2021. №4. С. 58-67.
38. Дынкин А.А., Телегина Е.А. Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №8. С. 5-16.
39. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Пять гипотез о будущем мире // Международная жизнь. 2020. №8. С. 14-23.
40. Егоров В.Г., Штоль В.В. Глобализация: опыт концептуализации // Обозреватель – Observer. 2015. №9. С. 5-18.
41. Загорский А.В. Дискуссия о будущем европейской безопасности: промежуточные итоги // Ежегодник СИПРИ-2013: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 647-660.
42. Загорский А.В. Кризис европейской безопасности: пути выхода // Ежегодник СИПРИ-2017: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 667-680.
43. Загорский, А.В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходившиеся интересы (Рабочая тетрадь №31, 2016) / гл. ред. И.С. Иванов. М.: НП РСМД, 2016. 28 с.
44. Земцов Б.Н. Цивилизационная предопределённость внешней политики Запада // Обозреватель – Observer. 2018. №7. С. 50-61.
45. Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипакадемии. 2021. №1. С. 51-68.
46. Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия //

Современная Европа. 2020. №3. С. 117-127.

47. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике (Мировое развитие. Выпуск 16) / отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 187 с.

48. Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность // Вестник МГИМО(У). 2020. №6. С. 7-52.

49. Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО(У). 2020. №2. С. 40-69.

50. Камышанов В.И. Роль и место гражданского диалога в международных отношениях // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / отв. ред. А.И. Никитин, П.А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 110-113.

51. Кандель П.Е. Балканские дилеммы ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 123-130.

52. Каширина Т.В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель – Observer. 2018. №7. С. 22-29.

53. Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Балканы в 2010-е гг.: гомогенизация региона под влиянием Запада и роль России // Современная Европа. 2020. №1. С. 59-68.

54. Кислицын С.В. Оборонные инициативы ЕС и позиции Вашингтона // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №10. С. 29-39.

55. Конуров А.И. Геополитические последствия пандемии коронавируса // Вестник Дипломатической академии. 2021. №1. С. 6-24.

56. Кортунув А. Какой будет «глобализация 2.0»? // Международная жизнь. 2021. №3. С. 46-55.

57. Круглый стол «ОДКБ: ориентиры стратегического развития» // Международная жизнь. 2020. №11. С. 6-17.

58. Кувалдин В.Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международ-

ные отношения. 2021. №1. С. 5-13.

59. Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // Вестник МГИМО(У). 2021. №2. С. 7-21.

60. Лункин Р.Н. Новая христианская идентичность на обломках европейской солидарности // Европейская аналитика 2019 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 122-131.

61. Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. №2. С. 141-168.

62. Надточей Ю.И. Бенилюкс: Новые горизонты оборонного сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 226-254.

63. Неймарк М.А. Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. №3. С. 28-38.

64. Носов М.Г. ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь»: предварительные итоги // Современная Европа. 2020. №6. С. 15-28.

65. Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь» // Современная Европа. 2020. №5. С. 33-45.

66. Никитин А.И. Потенциал кризисного реагирования и военно-техническое сотрудничество стран ЕС // Современная Европа. 2020. №5. С. 142-154.

67. Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 53-74.

68. Никуличев Ю.В. Постоянное структурированное сотрудничество в динамике и перспективе: «Остановка в пути»? // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 95-113.

69. Ознобищев С.К. Американские (русские) горки европейской безопасности // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 16-50.

70. Панкова Л.В. Инновационно-цифровые прорывы: США, Россия, Китай // Военно-экономическое развитие в свете гло-

бальных трансформаций / отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 7-14.

71. Подберезкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1 // Обозреватель – Observer. 2019. №4. С. 5-26.

72. Подберезкин А.И. «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2 // Обозреватель – Observer. 2019. №5. С. 5-20.

73. Поспелов С.В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности // Международная жизнь. 2021. №2. С. 142-143.

74. Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. (Т. 1: Западный фланг СНГ. Центральная Азия) / отв. ред. А.Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 197 с.

75. Потемкина О.Ю. Новая стратегия Союза безопасности ЕС // Европейская аналитика 2020 / под общ. ред. К.Н. Гусева. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 10-18.

76. Потемкина О.Ю. «Новое партнёрство» Комиссии ЕС – «амбициозный план» с неясными перспективами // Европейская аналитика 2017 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 71-79.

77. Потемкина О.Ю. Новые инициативы ЕС по противодействию терроризму // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 17-23.

78. Романова Л.А. Франция и новые вызовы европейской интеграции // Обозреватель – Observer. 2019. №5. С. 31-38.

79. Семененко И.С. Дискурсы идентичности и общественные настроения в Италии 2010-х годов // Италия в начале XXI века (сборник статей по итогам конференции) / отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 51-57.

80. Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. №4. С. 137-169.

81. Скороходова Н.П. Кибервойны. информационные мифы и скрытые угрозы // Запад–Восток–Россия, 2016. Ежегодник /

отв. ред. Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 44-47.

82. Степанова Е.А. Вооружённые конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. №6. С. 24-39.

83. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева М.: «Весь мир», 2020. 368 с.

84. Троянский М.Г., Карпович О.Г. Многополярность формируется в реальном мире // *Международная жизнь*. 2020. №8. С. 4-13.

85. Трунов Ф.О. Основные векторы сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. №4. С. 203-225.

86. Трунов Ф.О. Сотрудничество ФРГ с партнерами по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо- и центральноевропейское измерение // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. №4. С. 170-202.

87. Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность – объект современного глобального противоборства // *Обозреватель – Observer*. 2017. №9. С. 53-61.

88. Фёдоров В.П. Актуальные уроки: против односторонних уступок // *Европейская аналитика 2017* / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 15-24.

89. Фёдоров В.П. Рента для Германии, или зачем ей нужен Евросоюз // *Современная Европа*. 2021. №1. С. 16-20.

90. Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. №4. С. 114-136.

91. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // *Международные процессы*. 2019. №4. С. 36-48.

92. Шишелина Л.Н. Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем // *Современная Европа*. 2020. №7. С. 5-15.

93. Шишелина Л.Н. Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 года // *Современная Европа*. 2020. №5. С. 89-98.

94. Шихов Д.В. Британия после Брекзита: особенности военно-политической стратегии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. №2. С. 37-44.
95. Штоль В.В. Новые вызовы XXI века // *Обозреватель – Observer*. 2019. №9. С. 5-22.
96. Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // *Обозреватель – Observer*. 2019. №1. С. 5-20.
97. Шумилин А.И. Европейская политика соседства: время потрясений // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №4. С. 86-93.
98. Шумилин А.И. Евросоюз-Турция: конфликтное партнёрство // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №5. С. 7-15.
99. Щербак И.Н. ОБСЕ: время реформ // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №6. С. 52-58.
100. Щербак И.Н. ОБСЕ на фоне пандемии: шансы на ренесанс // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №3. С. 28-33.
101. Щербак И.Н. Проблема Нагорного Карабаха в фокусе антикризисной дипломатии ЕС // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №5. С. 60-67.
102. Щербак И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2021. №2. С. 34-40.
103. Щербак И.Н. Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях глобальных вызовов // *Современная Европа*. 2021. №4. С. 151-160.
104. Юрченко В.М. Проблемы глобальной и национальной безопасности – позиции экспертного сообщества // *Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки* / отв. ред. А.И. Никитин, П.А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 100-101.

ОБ АВТОРЕ

Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН. Автор 4 монографий. С 2016 по 2020 г. опубликовал 18 статей в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus; 20 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Из них по проблемам европейской безопасности – 32 статьи. Общее количество статей в остальных журналах, сборниках и глав в коллективных монографиях с 2016 по 2020 год – 27.

ABOUT THE AUTHOR

Alexei A. Sindeev, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Author of 4 monographs. From 2016 to 2020, published 18 articles in journals included in the international databases Web of Science and Scopus; 20 articles in journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Of these, 32 articles on European security issues. The total number of articles in other journals, collections and chapters in collective monographs from 2016 to 2020 is 27.

**В 2019–2021 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

366. А.И.Шумилин. Ближневосточные конфликты: европейский подход. ДИЕ РАН № 366. М., 2019 г.
367. И.Н.Щербак. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. ДИЕ РАН № 367. М., 2019 г.
368. Германия. 2019. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН № 368. М., 2020 г.
369. Е.П.Тимошенкова. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А.Меркель. ДИЕ РАН № 369. М., 2020 г.
370. Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН № 370. М., 2020 г.
371. Л.С.Биссон. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 371. М., 2020 г.
372. Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н.Лункин, П.В.Осколков. ДИЕ РАН № 372. М., 2020 г.
373. К.А.Годованюк. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. ДИЕ РАН № 373. М., 2020 г.
374. Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 374. М., 2020 г.
375. А.А.Синдеев. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН № 375. М., 2020 г.
376. Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг. Отв. ред. Л.Н.Шишелина, Р.Н. Лункин. ДИЕ РАН № 376. М., 2020 г.
377. В.И.Мироненко. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. ДИЕ РАН, № 377. М., 2020 г.
378. Итоги первого года правительства Б.Джонсона. Отв. ред. К.А.Годованюк ДИЕ РАН, № 378. М., 2020 г.
379. Германия. 2020. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН № 379. М., 2021 г.
380. М.В.Ведерников. Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. ДИЕ РАН № 380. М., 2021 г.
381. Р.Н.Лункин. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. ДИЕ РАН, № 381. М., 2021 г.
382. Мусульмане в Европе. Существование, взаимодействие, межцивилизационный диалог. Отв. ред. А.К.Камкин. ДИЕ РАН № 382. М., 2021 г.
383. В.Я.Швейцер. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. ДИЕ РАН № 383. М., 2021 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2019–2020

366. A.I.Shumilin. The Middle East conflicts: European Approach. Reports of the IE RAS, № 366. M., 2019.
367. I.N.Shcherbak. The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation. Reports of the IE RAS, № 367. M., 2019.
368. Germany. 2019. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 368. M., 2020.
369. E.P.Timoshenkova. A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship. Reports of the IE RAS, № 369. M., 2020.
370. Monetary regulation in Russia and the EU. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 370. M., 2020.
371. L.S.Bisson. Legal migration governance in the European Union. Reports of the IE RAS, № 371. M., 2020.
372. Europe in search of new solutions. Ed. by R.N.Lunkin, P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, № 372. M., 2020.
373. K.A.Godovanyuk. «Global Britain» in the run-up to Brexit. Reports of the IE RAS, № 373. M., 2020.
374. Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
375. A.A.Sindeev. Problems of transformation of European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
376. Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns. Ed. by L.N.Shishelina, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, № 376. M., 2020.
377. V.I.Mironenko. Ukrainian transit. Situation analysis experience. Reports of the IE RAS, № 377. M., 2020.
378. The results of the first year of Boris Johnson's government. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, № 378. M., 2020.
379. Germany. 2020. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 379. M., 2021.
380. M.V.Vedernikov. Slovakia: from European idea to EU membership. Reports of the IE RAS, № 380. M., 2021.
381. R.N.Lunkin. Fears and Hopes of the Europeans in the context of Pandemic. Reports of the IE RAS, № 381. M., 2021.
382. Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dialogue of civilizations. Ed. by A.K.Kamkin. Reports of the IE RAS, № 382. M., 2021.
383. V.J. Schweitzer. The party and political system of the European Union at the beginning of the XXI century. Reports of the IE RAS, № 383. M., 2021.

Научное издание

А. А. Синдеев

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В РАБОТАХ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Монография

Доклады Института Европы

№ 384

Подписано в печать 03.09.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,75
Тираж 500 экз. Заказ № 2640

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86